

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР:

реалии и интерпретации



Тезисы докладов
XIV научных Сюзюмовских чтений

Екатеринбург
10–12 октября 2018 г.



МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА
УРАЛЬСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР: *реалии и интерпретации*

Тезисы докладов
XIV научных Сюзюмовских чтений
Екатеринбург, 10–12 октября 2018 г.

ЕКАТЕРИНБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2018

УДК 94(100)(063)

ББК ТЗ(0)я43

В 428

Под редакцией *Т. В. Куш*

В 428 ***Византийский мир: реалии и интерпретации***: тез. докл. XIV науч. Сюзюмовских чтений, Екатеринбург, 10–12 октября 2018 г. / [под ред. Т. В. Куш]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 63 с.

ISBN 978-5-7996-2455-2

Издание содержит тезисы докладов XIV научных Сюзюмовских чтений, проходивших в Уральском федеральном университете 10–11 октября 2018 г. В докладах представлены научные темы и направления современного российского византиноведения.

Для студентов и специалистов, интересующихся актуальными подходами к изучению византийской истории.

УДК 94(100)(063)

ББК ТЗ(0)я43

На обложке:

Миниатюра с изображением Константинополя из кодекса «Cosmographia Scoti, Notitia dignitatum», fol. 084r., Бодлианская библиотека Оксфордского университета, <https://digital.bodleian.ox.ac.uk>

В оформлении сборника использованы графические материалы сайтов:
<http://ru.freepik.com>, <http://www.webdesignhot.com/>

ISBN 978-5-7996-2455-2

© Уральский федеральный университет, 2018



А. И. Айбабин

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь)*

Э. А. Хайрединова

*Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)*

Византийские владения в Юго-Западном Крыму в раннее Средневековье*

Более тысячи лет, с конца IV и до середины XV вв., история Крыма была тесно связана с Восточно-Римской империей (Византией). На протяжении всего периода существования в Империи понимали важное значение Крыма в распространении своего влияния в Северном Причерноморье. Через Крым Византия поддерживала связи со степными кочевниками, тюркскими каганами, хазарским государством и Киевской Русью. Письменные источники и материалы археологических раскопок раскрывают основной унаследованный от Римской империи аспект политики Византии в Крыму: стремление владеть стратегически важными городами полуострова – Херсонесом / Херсоном и Боспором, а также закрепиться в Юго-Западном Крыму.

В труде Прокопия Кесарийского область (χώρα) Дори локализована между Херсоном и Боспором в том же прибрежном регионе, где Юстиниан I повелел возвести крепости Алуста (Ἀλούστου) и Горзувиты (Γορζουβίταις) (Procopius. On Buildings, p. 10-15). Уточнить границы области Дори позволяет археологическая культура, выявленная на территории между Внешней и Главной грядами (от устья Черной речки и Балаклавы до склонов Демерджи и Чатыр-Дага) и на южных склонах Главной гряды Крымских гор. Согласно Прокопию, в Дори жили только готы. Выявленную в Дори археологическую культуру создали готы, мигрировавшие в этот регион около середины III в., и аланы, перекочевавшие в конце IV в.

Империя осуществляла контакты с областью Дори через Херсон. Отношения с крымскими готами не ограничивались только военной сферой и имели длительный постоянный характер. Византийские дипломаты стремились заключить союз с приграничными варварами. При Юстиниане I союзным варварам регулярно выплачивали деньги за охрану границ (Обо-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму» (№18-09-00314).

lensky, p. 56-58). На принадлежавших аланам и готам некрополях найдены многочисленные захоронения мужчин с византийскими воинскими геральдическими поясными наборами, которые появились около середины VI в. в византийских владениях по Нижнему Дунаю. В Лучистом около трети мужских погребений второй половины VI-VII вв. содержали поясные наборы или их отдельные элементы, а в Суук-Су – 12 захоронений из 44 (Амброз, с. 50; Khairédinova, p. 14).

Две надписи из Херсона и Тамани позволяют высказать предположение о проведении в последней четверти VI в. реформы системы управления владениями Византии в Крыму. Они иллюстрируют два этапа реформы. Вначале Юстин II, реагируя на активность племен тюркского каганата в близлежащих степях и в Крыму, учредил в регионе новый приграничный дукат, подчинив дукату Херсона гражданскую администрацию и византийские войска на полуострове. В 576 г. Тиберий, стремясь получить помощь тюрков в возобновившейся с 573 г. войне с Персией, направил к ним посольство (Айбабин, с. 134). В 579 г. на переговорах с аварскими послами император Тиберий сообщил им о том, что тюрки встали лагерем в местности, из которой виден Херсон (Blockley, p. 223-225). Очевидно, они совершили переход из Боспора по равнине Северо-Западного Крыма и остановились на берегу севастопольской Северной бухты, с которого хорошо просматриваются стены Херсона. В Горном Крыму не обнаружены какие-либо произведенные тюрками разрушения.

В 581 г., после кончины кагана Арслана Тобохана (Арсилы), тюрки покинули Крым. После ухода тюрков император воспользовался благоприятной ситуацией и продолжил реформирование Херсонского дуката.

Сведения об изменении системы управления владениями Византии в регионе дополняют материалы археологических раскопок в горном Крыму, датирующие концом VI в. возведение крепостей на плато Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале (Айбабин, 2011, s. 130). Несомненно, византийцы присоединили к своим владениям населенную аланами и готами союзную область Дори и подчинили ее дукату Херсона. Под его руководством и строились новые крепости.

Территорию области Дори византийцы разделили на районы – архонтии с резиденцией архонта в крепостях на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла (Айбабин, с. 111, 114, 117, 119). Архонты не только командовали местными войсками, но и возглавляли византийскую гражданскую администрацию своего региона. Находка на плато Мангуп печати императорского логофета геникона патрикия Дорофея первой половины VII в. (Герцен, Алексеенко, с. 61-64) указывает на существование переписки между налоговым чиновником и архонтом Дороса. Очевидно, архонты названных крепостей организовывали сбор имперских налогов. На Мангупе (Герцен, с. 101-102), Эски-Кермене (Айбабин, 2013, s. 183) и, возможно, Чуфут-Кале в

центре плато одновременно с укреплениями построили крупные базилики. Согласно новелле Юстиниана I, в церкви могли проходить собрания горожан и храниться весовые и метрические стандарты (Ousterhout, p. 196). Очевидно, также использовали и названные базилики. Сооружение новых храмов в конце VI – VII вв. свидетельствовало об упрочнении положения христианской церкви в Юго-Западном Крыму. Подпись участвовавшего в 692 г. в Трулльском Вселенском соборе Георгия епископа «ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος» (Ohme, s. 151) говорит о подчинении приходов Дори Херсонской епархии (Ajabin, 2011, s. 141). Судя по наименованию епархии Χερσῶνος τῆς Δόραντος (род. от Δόρας), готскую область, по крайней мере, в церковных документах называли Дорас.

Крепости области Дори отмечены в *Collectanea* Анастасия Библиотекаря IX в., в схолии о кратком житии Феодора (ум. около 667 г.) и Евпрепия (ум. около 655 г.), сосланных при Ираклии (610—641 гг.) в Херсон и «крепости, принадлежавшие соседним племенам» (Vasiliev, p. 78). Согласно Феофану, во второй половине VII в. граничившие с Херсоном архонтии также именовали климатами Херсона (The Chronicle, p. 462-463, 491).

Библиография

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Амброз А.К. Юго-западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып. 4. С. 31-88.

Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94-112.

Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-кале // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 59-65.

Ajabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz, 2011.

Ajabin A.I. Die Mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Eski-Kermen // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches / Hrsg. von S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. Mainz, 2013. S.165-231.

Blockley R.C. The History of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985.

Khairédinova E. Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople. Kiev; Simferopol; P., 2007. P. 11-44.

Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XII^e congrès international d'études byzantines. Beograd, 1963. T. 1. P. 45-61.

Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste. Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692. Berlin; N. Y., 1990.

Ousterhout R.G. Secular Architecture // The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843-1261 / Eds. H.C. Evans, W.D. Wixom. N. Y., 1997. P.192-199.

Procopius. On Buildings. Vol. VII / Translated by H. B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, Mass, 1940. P. 3-363.

The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284-813 / Text, tr. and com. by C. Mango, R. Scott. Oxford, 1997.

Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.

Н. А. Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН

(Симферополь)

Моливдовул командира Великой этерии Евстафия из окрестностей византийского Херсона

В июне 2018 г. в окрестностях византийского Херсона была сделана очередная сфрагистическая находка, свидетельствующая о том, что получатели деловой корреспонденции находились не только в городе, но и за его пределами (Алексеенко, с. 15).

Моливдовул принадлежит к памятникам конца X столетия и его владелец относится к представителям имперского военного ведомства. На лицевой стороне печати – изображение шестиконечного процветшего креста в сопровождении круговой надписи с инвокативным обращением: +Κ[ΕΡ]Ω-ΝΘΕΙΤ[ΩΣΩ]Δ[Υ]Λ – Κ[(ύρι)ε β]οήθει τ[ὸ] σ[ὸ]ν δούλ(ω) – «Господи, помоги твоему рабу». На обороте – пятистрочная легенда: [+Ε]ΥΣΤ[Α]ΘΙΟΥ[Σ] Π[Α]Τ[Ε]Ρ[ΟΣ] ΣΕΠΗ[Τ]Η[Ρ] ΜΕΓΑΛ[Η]Σ [Ε]ΤΕΡ – [Ε]ὐσταθί(ω) β(ασιλικῶ) σπαθ(αρίω) (καὶ) ἐπὶ [τ(ῆς)] μεγάλ[ῃς] ἐτε(ι)ρ(είας) – «Евстафию, императорскому спафарию и <командиру> Великой этерии».

Из легенды печати очевидно, что ее владелец являлся главой Великой этерии, одного из трех элитных отрядов, составлявших со второй половины X в. наиболее боеспособные подразделения византийского войска, которые комплектовались не только из подданных империи, но и из наемников-иностранцев (Oikonomidès, p. 327–329).

Печатей представителей этого военного подразделения известно совсем не много. В своем Корпусе, посвященном византийской администрации, В. Лоран представляет лишь единственную печать из собрания Dumbarton Oaks, принадлежавшую Христофору, императорскому спафарокандидату, ἐπὶ τῆς μεγάλῃς ἐταιρείας и переводчику болгар (Laurent, p. 231, nr. 469; к сожалению, без фото) и относит ее к рубежу X/XI вв.

Еще один исполнитель этой должности – императорский спафарокандидат Калокир – известен по печати второй половины X в. из коллекции Г. Серига (Cheynet, Morrisson, Seibt, p. 96–97, nr. 129).

В собрании печатей стамбульского археологического музея 9 персонажей носят эту должность (Cheynet J, Gökyıldırım, Bulgulru, p. 217–222, nr. 2.207–215), но Евстафия среди них нет.

Р. Гийян, ссылаясь на сообщения Георгия Кедрина (Cedrini, p. 480–481) называет евнуха Евстафия, который при Константине VIII был Великим этериархом (Guilland, p. 173; ср.: Каждан, с. 185, № 4).

Не исключено, что названный Кедрином персонаж и владелец нашего моливдовула одно и то же лицо. Если это так, то перед нами предстает один из этапов его служебной карьеры. К сожалению, из источника не ясно, в каком ранге состоял Евстафий, получив должность Великого этериарха, но, тем не менее, понятно, что получив этот пост, он принял командование над всеми тремя отрядами дворцовой гвардии (μεγάλη ἐταιρεία, μέση ἐταιρεία, τρίτη ἐταιρεία) и, надо полагать, вместе с этим и очередной придворный ранг.

Появление моливдовула Евстафия в чине командира Великой этерии в окрестностях византийского Херсона может быть связано с особенностями комплектования этого дворцового воинского контингента. Эта находка в очередной раз подчеркивает существование тесных контактов херсонитов с центральными имперскими ведомствами и службами.

Библиография

Алексеев Н. А. Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2016. Т. 21. № 5. С. 6–18.

Каждан А. П. Состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. Анкета и частные выводы. Ч. VI. Евнухи // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 184–194.

Cedreni Historiarum Compendium. Bonnae, 1839. Т. 2.

Cheynet J.-Cl., Morrisson C., Seibt W. Les sceaux byzantins de la collection Henri Serig. Paris, 1991.

Cheynet J.-Cl., Gökyıldırım T., Bulgulru V. Les sceaux byzantins du Musée archéologique d'Istanbul. Istanbul, 2012.

Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. Т. 1.

Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin II : L'administration. P., 1981.

Oikonomidès N. Les listes preseance Byzantines des IXe et Xe siècle. P., 1972.

Н. Д. Барабанов

*Волгоградский государственный университет
(Волгоград)*

**«Священная война»? К интерпретации послания патриарха
Михаила IV Авториана**

Задачей данного доклада является попытка анализа конкретного источника, датированного началом XIII в. и связанного с последствиями IV Крестового похода, с процессом становления Никейской империи и фондом идей, близких к понятию «священная война». Речь о письме (γράμμα) патриарха Михаила IV Авториана (1208?-1214?(даты правления дискуссионны) адресованном командирам и солдатам никейской армии. Изучение послания привело к решению двух задач. Во-первых, к установлению его связи с конкретными событиями в Никее и, соответственно, к уточнению его датировки. Во-вторых, к установлению возможной причины появления в тексте фразы о прощении грехов павших воинов, что внешне связывает содержание с идеологией «священной войны».

Статус послания, окружного, патриаршего и синодального, подчеркивает его особое значение. Текст давно опубликован Н. Икономидисом, но большого внимания исследователей не удостоился. Содержание письма изложено в традиционных для византийской эпистолярной риторики формах. Адресат обозначен словами Ἀνδρες Ῥωμαῖοι. Именно к этой, неясной по составу, если учесть этническую полифонию, которая была характерна для комплектации никейских войск, массе обращался патриарх с призывами и наставлениями. Кроме воинов послание обращено к знати, явно из ближайшего окружения императора. В дальнейшем пастырь обращался ко всем как к «чадам возлюбленным» – τέκνα ἀγαπητά. Кратко содержание письма можно передать следующим образом. Патриарх писал о том, что настало время проявить мужество и доблесть, с одной стороны, ради защиты веры и наследия Христа, с другой – за свободу и славу отечества, за честь отцов, жен, детей. Сердца должны гореть праведным гневом против незаконных и надменных врагов, которые нападают, но которых Бог сокрушит, так же, как, по словам пророка, кедры ливанские (Пс. 28, 5).

Пастырь убеждал не бояться врагов, утверждая, что они не созданы из другой природы, не являются неуязвимыми и бесчувственными, а души их обречены на вечный огонь. Если, писал он, такие дурные люди, обуреваемые жадой несправедливой добычи, достигли согласия между ними, то нам тем более следует объединить силы для борьбы. Из дальнейшего явствует, что объединиться надо вокруг и для защиты василевса. Патриарх напоминал, что в бытность свою на земле именно Бог даровал людям царство, власть монархическую как образ своего правления, чтобы те, кто веруют в Него,

не вредили бы себе и своей вере, нападая друг на друга. Богом же поставлен нынешний василевс, деятельный и трудолюбивый, как того требует время. Пастырь предлагал взглянуть на тело: голова в нем – часть наиболее благородная, все остальные члены ее поддерживают и защищают. Более того, он предлагал посмотреть на пчел: они естественным образом следуют за их царицей и сплываются вокруг нее, угрожая жалом врагу, который к ней приближается. Пример неразумных тварей должен был побудить к содействию и защите «нашего святого самодержца». Духовенство поддержит сражающихся своим оружием духовным.

Особый интерес вызывает завершающая фраза письма, стоящая уже после традиционного «аминь». Патриарх, а, стало быть, вместе с ним и синод, объявляли, что в силу полученного от Господа великого дара благодати отпускают все грехи, совершенные в этой жизни, тем, кого, в сражениях за спасение родины и избавление народа божьего постигнет смерть.

Н. Икономидис считал, что связать письмо с конкретным событием невозможно. В самом деле, Феодору I Ласкарису с первых лет правления приходилось вести борьбу с латинянами, трапезундцами, мелкими греческими правителями, а затем и с турками–сельджуками. Но в ранней истории Никейской империи имеется критический эпизод особой значимости. Речь о попытке бывшего византийского императора Алексея III Ангела взять власть в Никее при помощи султана Кай-Хосрова I. В этой ситуации под сомнение была поставлена легитимность Феодора, что, в условиях неизбежной войны могло вызвать «разброд и шатания» в его окружении. Патриарх пытался консолидировать никейскую элиту и вдохновить армию на защиту василевса. Требование передать власть Алексею доставило в Никею посольство султана Кай-Хосрова в мае 1211 г. Послание Михаила IV появилось между этим событием и развернувшимися летом того же года боевыми действиями.

Что касается загадочной фразы о прощении грехов павшим на поле брани, то рассмотрение ее в контексте высказываний на тему отношения к войне отцов церкви и последующей византийской традиции показывает, что она вряд ли связана с идеологией «священной войны» как таковой. Скорее это свидетельство неблагонадежности никейского войска в глазах патриарха и высшего клира. Греческая часть армии могла быть дезориентирована претензиями старого, как бы «законного», императора, а латинские наемники тоже находились в непростой духовной ситуации, поскольку наверняка уже узнали, что еще в декабре 1210 г. папа Иннокентий III отлучил от церкви западных христиан, поступающих на службу к грекам. В этих сложных условиях патриарху и синоду требовалось вдохновить и мотивировать защитников отечества.

М. В. Бибилов

*Институт всеобщей истории РАН
(Москва)*

Византийский суперлатив времени и пространства: образ и реалии

Иерархичность средневекового мышления отводила высшие ступени сублимации времени и пространства категориям эона—«вечности» и рая—«парадиза», или Эдема. В сжатых формулах кратких определений антиковедческая и медиевистическая исследовательская традиция обычно принципиально противопоставляет вечность—«эон (αἰών)» времени—«Хроносу».

Но Афанасий Александрийский употребляет словосочетание «время—вечность (χρόνος αἰών)», а чуть выше в той же речи утверждает, что «всякое пространство измеряется в веках». «Хронологический» смысл имеет и заключение, что «последний день находится в веках».

Соответственно и мессианскому веку придаются не просто черты неопределенного будущего, а это будущее определяется прежде всего как «свершение», т. е. конец «веков» («ἐπὶ συντελείᾳ τῶν αἰώνων»), что соответствует новозаветному выражению (Евр 9:26). Это свидетельствует о сближении термина «эон» с понятием жизни человеческой, современности, определенного отрезка времени. Это тем более показательно, что Афанасию свойственны выражения типа «великое вечное время (μέγας αἰώνιος χρόνος)».

Таким образом, «вечность» с развитием ранневизантийского категориального аппарата эволюционировала в сторону темпорально-хронологических понятий. Изменение значения очевидно, если сравнить формулировки двух крупнейших византийских философских авторитетов — Григория Нисского и Иоанна Дамаскина.

А в XII в. Лексикон (Псевдо-) Зонары видит в эоне—«веке» некое физическое состояние различных тел «Эон: физическое целое (Αἰών· σύνθεσις φυσικόν), состоящее из разнообразных тел, содержащее различные смыслы по разумению Божию».

Наконец, в классических византийских текстах мы сталкиваемся с календарным значением термина «эон». Именно от него, ссылаясь на Лонгина, образует название месяца января, начального месяца года, в форме «эонарий» Лексикон «Суда»: «Эонарий: месяц Январь. Так его толковать вынуждает Лонгин, — как отца Эона („века“)» (Sud. 357). Ту же «этимологию» имеет в виду и Лексикон (Псевдо-) Зонары: «Эонарий: святой месяц Ян(ус)а» (I, 71). Наконец, Иоанн Цец в описании «Постгомеровских событий» пишет о том же: «Двенадцатый месяц — Таргалион. Его Лонгин называл Эонарием, все же зовут Январем», связывая тем самым темпоральное значение эона с категорией «начала». То же название января как «эонария» знает как Иоанн

Лид, так и константинопольские авторы VIII–X вв., и, наконец, на исходе византийской цивилизации об этом вспоминает Геннадий Схолярый.

Итак, несмотря на декларативное абстрагирование категории «вечности» от «времени», «эон» сближается с «хроносом» на том основании, что сама категория времени определяется классическими византийскими авторами, такими как Михаил Пселл в середине XI в. или Николай Мефонский в XII в., через категорию «рождения» или зарождения и начала.

«Хронологический» взгляд на «вечность»–эон можно обнаружить в термине византийского императора и писателя Феодора II Ласкаря (1222–1258) αἰωνάρχης – «властелин времени», а также в трактовке слова αἶών как «год» (!) в различных текстах XI–XII вв. Так византийская классическая традиция приходит к «хронологизации» эона.

Таким образом, путь от безвременного эона к хронологическим определениям прослеживается и в классических и в поздневизантийских памятниках.

Основополагающий образ Эдема византийцам был дан уже первыми главами Септуагинты, представлявшей Эдемом «райский сад», определяемый словом «парадиз» (Быт. 2:8). Иезекииль располагает райский сад на горе, откуда Бог низвергает сына человеческого после грехопадения. Здесь, вместо цветущего дольного сада, насажденного фруктовыми деревьями, смоковницей (ее листьями прикрылись Адам и Ева, познавшие стыд), в кущах которых обитают всевозможные звери и птицы (ср. у Ефрема Сирина и Григория Нисского), земной рай предстает возвышающейся доле горой из огненных камней, падение с которой есть низвержения «на землю». Ученик Симеона Нового Богослова Никита Стифат прямо проводит идею дихотомии Рая, одного – Эдемского, другого, умопостигаемого, – высшего. Образы горного Рая и дольного Эдема, кажется, примиряются в картине «древа жизни, двенадцать раз приносящего плоды, дающего на каждый месяц плод свой; и листья дерева – для исцеления народа» в Апокалипсисе (Откр. 22:2). Там древо жизни помещено у известной реки: сама же «река воды жизни» вытекает из престола Бога и Агнца (Откр. 22:1). Сопричастность реки и древа жизни высочайшим престолом («трону») принципиально отдаляет их от земли и всего земного: учение о небесной иерархии (Псевдо-) Дионисия Ареопагита строится на противопоставлении, где превыспренние Престолы «совершенно изъяты от всякой низкой привязанности земной».

Самоочевидна абсолютная вневременность Рая: сущий до творения всего Творцом, в т. ч. и до сотворения времени, он является сопричастным царству эона–вечности. Однако некий рай – между грехопадением и Страшным Судом – тоже представляется византийцам вполне реальным. Этот рай–«парадиз» встречается в Новом Завете лишь трижды (Лк. 23:43, 2 Кор. 12:4, Откр. 2:7). Сублимация времени в пространстве сакрального сада–парадиза, охраняемого Херувимом, но в принципе доступного во Христе «здесь и сейчас», не-

смотря ни на огненные, ни на алмазные преграды, хорошо иллюстрируется историей Сифа, оказавшегося у врат рая, оберегаемых Херувимом. В видении Сифу отказано в получении масла милосердия от древа жизни до срока, ибо Христос лишь через несколько тысячелетий возродит Адама и прочих почивших – ко дню Страшного Суда. Тем самым Сиф узнает пророчество о втором пришествии Спасителя, а также получает три зерна плода с древа познания. Зерна вложили в рот умершему Адаму, похороненному в долине Хеврона, из чего проросло три побега – кедра, кипариса и сосны (это тоже эдемские растения). Из них потом и будет сделан крест распятия Иисуса Христа.

Этот сюжет хорошо отражен в иконографии, где горний мир отграничивается от земного. Однако и высший, недоступный до времени сакральный рай-сад имеет предметафору на земле. Это – «Святой Град» Иерусалим – предтеча Небесного Иерусалима.

С. В. Близнюк

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва)*

Ремесло и ремесленники на Кипре в XIII-XV вв.

Рынок, ремесленные мастерские, ремесленное производство, сбыт ремесленной продукции на местном рынке, ремесленное население – неотъемлемая часть любого средневекового города. Точно также должно было быть и на Кипре в эпоху правления на острове французской династии Лузиньянов (1192–1489). Вопрос, однако, заключается в том, было ли? Нам хорошо известна история кипрского рынка, его международное значение, его организация, богатый ассортимент товаров, денежное обращение, состав купечества и т. д. В то же время мы очень мало знаем о ремесленном производстве на Кипре, его организации, о положении ремесленного населения, да пожалуй, далеко не все и о ремесленных профессиях в королевстве Лузиньянов. С одной стороны, все можно объяснить состоянием источников, которые не часто предоставляют нам возможность судить об истории кипрского ремесла в названный период. Крайней скупостью источников объясняется, соответственно, и непривлекательность названной тематики в историографии. С другой стороны – есть элементарная логика, которая заставляет искать на Кипре процессы развития ремесла схожие с западноевропейской или византийской традицией. Сразу, однако, возникает вопрос, насколько кипрские ремесленники, большинство из которых, несомненно, были представителями местного населения, сохранили византийскую систему, или они восприняли новые правила цеховой организации или свободного ремесла, которые могли привнести с собой завоеватели. В какой степени и в каких отраслях можно говорить о кон-

тинуитете от Византии и что появилось принципиально нового в кипрском ремесле, а в конечном итоге и в городской жизни в королевстве Лузиньянов?

Ситуация с источниками, тем не менее, не настолько трагична, как это кажется на первый взгляд. Минимальные сведения о ремесленных профессиях дают кипрские хроники; в большей степени нотариальные акты, генуэзские и венецианские архивные документальные собрания, которые, однако, освещают в первую очередь положение латинского населения и латинских ремесленников в кипрских городах. Отчасти восполнить лакуны письменных источников позволяет археология. Однако она может многое прояснить в вопросе отраслей ремесла, а иногда и организации самого производственного процесса, но она мало что дает для понимания организации ремесла и ремесленников в государстве, для анализа процесса континуитета или дисконтинуитета на Кипре в эпоху Лузиньянов. Данная проблема представляет собой наибольшую сложность. Не последнюю роль в исследовании названных вопросов может сыграть терминологический анализ: примикерий, табулярий, грамматик, синкритик, нотариус, мастер, жонглер. Важно само использование греческого или европейского языка при обозначении профессии; также следует с особым вниманием отнестись к вопросу контекста, коннотации, функциональной нагрузки слов, обозначающих профессию, занятость, профессиональную позицию человека.

Ремесленники одной профессии могли проживать в крупных кипрских городах в собственных районах, которым они давали свое название: квартал кузнецов, цирюльников, извозчиков и т. п. Во время войны кипрские ремесленники могли использоваться в королевской армии как ополченцы. Однако ремесленники одной профессии не могли составить самостоятельную боевую единицу, как это было в крупных городах Западной Европы, ввиду их малочисленности. Придворные ремесленники или мастера, работавшие в домах кипрской знати, воспринимались на Кипре как слуги короля или сеньора и определенно не могли входить в какие-либо корпорации или гильдии.

Остальные ремесленники и торговцы иногда объединялись в профессиональные сообщества, более напоминавшие византийскую корпорацию, нежели западноевропейский цех. Однако эти объединения касались крупных производящих отраслей экономики: производство сахара, камелотов, соли, — на которые была установлена королевская монополия, а также наиболее важных бюрократических профессий, нередко требовавших контроля со стороны власти или непосредственно с ней связанных (нотарии / табулярии). В остальных случаях кипрские ремесленники были достаточно свободны в своей производственной деятельности и вряд ли могли составлять какие-то крупные профессиональные объединения ввиду опять же своей немногочисленности, хотя и имели на это полное право. Кипрские ремесленники были более связаны с королевским двором и королевской властью, получая

от нее заказы, гарантированные возможности выхода на рынок, в том числе и международный, и защиту как подданные короля, чем их западноевропейские коллеги. В то же время кипрский рынок был широко открыт для любого иностранного мастера или торговца, что говорит об отсутствии конфликта интересов между местным и иностранным производителем и, одновременно, более о недостатке ремесленного населения в кипрских городах, чем о его переизбытке.

А. Ю. Виноградов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва)*

Стилистика vs. политика: передатировка как дестабилизирующий фактор в истории византийско-кавказских культурных связей

Воссоздание истории культурных связей, особенно в «контактных зонах» восточно-христианского мира, представляет собой сложную задачу: тот или иной выбор решения в вопросах культурного приоритета, первого контакта и т. п. определяет всю ее картину. Такие реконструкции базируются обычно на небольшом количестве датированных памятников, лакуны между которыми заполняются методом их сопоставления, чаще всего, по стилистическим критериям. В настоящей работе мы постараемся показать на четырех примерах VI–IX вв., как новая датировка хорошо известных памятников может не только скорректировать картину византийско-кавказских культурных контактов, но и потребовать ее радикального пересмотра. Более того, выясняется, что новые датировки намного лучше вписываются в политический контекст эпохи и могут даже лучше его прояснить.

1. В армянской школе истории архитектуры четко прослеживается тенденция приписать приоритет в создании храмов типа Джвари-Рипсима (октаконхов с уменьшенными угловыми апсидами) именно армянским мастерам (первый датированный армянский представитель типа – собор в Аване, заложенный в 591 г.), относя первый картлийский памятник данного типа (храм Джвари близ Мцхеты) к 630–640-м гг. Между тем, обращение к хронологии картлийских эрисмтаваров в версии «Обращения Картли», а также к синайским глоссам к ней, показывает, что Джвари был заложен также около 591 г. Создание одновременно двух храмов одного типа в соседних кавказских регионах связано с заключением выгодного для Византии мира 591 г. и торжеством христианства на Кавказе (а также его символа – креста) и, по всей вероятности, ориентировалось на несохранившийся византийский (сирийский?) образец.

2. Аручский собор в Армении традиционно датируется 666–669 гг. и считается частью исследователей первым представителем типа «купольного зала», служа важным стилистическим ориентиром для построек последней трети VII в. Однако сторонникам данной даты приходится прибегать к значительным хронологическим натяжкам. Между тем, правильное истолкование имени византийского императора из строительной надписи храма показывает, что он был заложен в 682 г. Последняя дата оказывается напрямую связана с армяно-картлийским восстанием против арабов в 681 г. и, вероятно, указывает также на ориентацию на византийский образец типа «купольного зала», известного в империи с конца IV в.

3. Самшвилдский Сион в Южной Грузии в науке последнего столетия традиционно датируется 759–777 гг., что служит важным аргументом против дисконтинуитета в картлийском монументальном церковном строительстве при арабах (в противовес Армении). Однако последние работы В. Гоиладзе и А. Ю. Казаряна показали, что строительная надпись храма датируется 661 (или 673)–697 гг., а упоминание в ней двух византийских василевсов связано с повышенным интересом империи к Армении в эти годы. Такая передатировка позволяет, с одной стороны, объяснить прежде необъяснимую близость Самшвилдского Сиона к церкви в Цроми (630–640-е гг.), а с другой стороны, выявить перерыв в монументальном церковном зодчестве (начало VIII – середина IX в.) и в картлийских землях.

4. Г. Н. Чубинашвили считал храм Мама Давид в кахетинской Акуре постройкой Илариона Грузина, созданной в середине 850-х гг. Но последние архитектурные исследования (в т. ч. В. В. Беридзе) показали, что две северные «капеллы», относимые Чубинашвили к строительству Илариона, представляют собой позднейшую перестройку, а палеография строительных надписей храма не позволяет датировать его временем ранее X в. Более того, сходства в уникальной форме лекального кирпича с соседним храмом Натлисмцемели близ Калаури, построенном при Квирике III (1010–1039), заставляет отнести Мама Давид к тому же времени. Напротив, с Иларионом Грузином оказывается связан монастырский храм в Убиси (начало 860-х гг.), показывающий, насколько скромным был даже царский заказ (Димитрия II Абхазского) после долгого перерыва в церковном строительстве на Кавказе.

Д. В. Возчиков

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)

**Образы византийских императоров в хронике венецианского дожа
Андреа Дандоло**

Значимой вехой в венецианском историописании стали труды Андреа Дандоло (1306–1354, дож 1343–1354): написанная им в бытность прокуратором св. Марка и завершенная в начале догата «Краткая хроника» и подробная официальная «Пространная хроника», составленная уже Дандоло-дожем (Marin, p. 41–122). В своем докладе мы обратимся к анализу восприятия этим автором Византии, которая традиционно играла роль главного Другого в конструировании официального нарратива Республики.

В отличие от ряда более поздних венецианских авторов, Дандоло предпочитал изображать конкретные политические фигуры, нежели давать характеристику грекам в целом. Большинство византийских императоров, включая Романа IV и Алексея I, в хронике характеризовались очень бегло. Центральным для венецианско-византийских отношений событием у Андреа Дандоло представлен кризис 1171 г., в ходе которого Мануил I Комнин приказал арестовать венецианцев в империи и конфисковать их имущество, суда и товары. В «Пространной хронике», несмотря на то, что для ее автора был очевиден фактор Анконы в конфликте между Венецией и Константинополем, причины кризиса объяснены в основном личным корыстолюбием Мануила. Дандоло изображал византийского императора коварным врагом Венеции, полагавшимся на шпионаж и затягивание переговоров (Andreae Danduli, p. 252).

Андреа Дандоло также приписывал Мануилу, якобы очень боявшемуся Венеции, «некоторым образом» ослепление будущего дожа Энрико Дандоло в ходе переговоров о мире (Ibid., p. 260). Эта история была призвана подчеркнуть злокозненность Мануила. Дандоло кратко сообщал о насыщенном периоде византийской истории с 1180 по 1183 гг.: «Мануил <...> оставил империю наследнику – порфирородному Алексею под опекой Андроника, который, презрев законность, позднее его задушил и сам был провозглашен императором. Чтобы укрепить империю и добиться расположения венецианцев, по просьбе дожа, освободил купцов, плененных Мануилом, а также пообещал ежегодно возмещать причиненный (венецианцам. – Д. В.) ущерб» (Ibid., p. 266). В хронике Дандоло Андроник I характеризуется амбивалентно: не только как интриган, но и прагматик, пекущийся о государственных интересах.

Действия венецианцев в ходе Четвертого крестового похода Дандоло описывал достаточно скупой. Захват Константинополя в апреле 1204 г. он интерпретировал как исполнение пророчества Эритрейской сивиллы (заимствован-

ного им, по-видимому, из мистификации XIII в.) о слепом вожде, призванном захватить «Византий», и как акт отмщения грекам за унижения венецианцев в 1171 г.: «И теперь злодеяние нечестивого Мануила, причиненное венецианцам и тому более всего, кого он пожелал ослепить, пока тот исполнял посольские обязанности, Божьей властью получило достойное отмщение» (Ibid., p. 279).

Михаил VIII Палеолог в «Пространной хронике» предстает узурпатором и врагом венецианцев. «На девятом году дожа (Реньеро Дзено. – Д. В.), – писал Дандоло, – Феодор (Феодор II Ласкарис. – Д. В.), считавший себя императором греков, умирая, с надеждой вверил своих сыновей заботе Михаила Палеолога. Он, усилившись, когда мощь латинян ослабла, захватил град Константинопольский <...>. Но Михаил, лелея мечту о высшей власти, задушил сыновей Феодора, которых тот доверил ему, и возложил на себя императорский венец. А с генуэзцами, которых считал соперниками венецианцев, он заключил союз» (Ibid., p. 311). В действительности единственный сын Феодора Иоанн IV был не задушен, а ослеплен по приказу Михаила уже после взятия Константинополя. Акцент венецианского хрониста на незаконности воцарения Михаила даже в самой Никейской империи объясним с позиций отстаивания легитимности Латинской империи.

В целом, образы императоров Византии в тексте «Пространной хроники» варьируются. В «Пространной хронике» те из них, кто описан подробно, характеризовались преимущественно отрицательно, но наиболее зловещей фигурой в хронике предстал Мануил I. Дожу-интеллектуалу события 1171 г. представлялись более значимыми в венецианской истории, нежели события 1204 г.

Библиография

Andreae Danduli. *Chronica per extensum descripta* / A cura di E. Pastorello // *Rerum Italicarum scriptores*. Bologna, 1940. T. 12. Partes 1–2. P. 5–327.

Marin Ş. A Double Pathfinder's Condition: Andrea Dandolo and His Chronicles // *Annuario dell'Istituto Romeno di Cultura e Ricerca Umanistica di Venezia*. Bucureşti, 2015. Vol. 12–13, 2010–2011. P. 41–122.

Н. В. Гинькут

*Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)*

В. В. Лебединский

*Институт востоковедения РАН
(Москва)
Севастопольский государственный университет
(Севастополь)*

**Амфоры типа Gunsenin II из кораблекрушения византийского
корабля близ Балаклавы***

В 2015–2016 гг. года при поддержке Русского географического общества подводно-археологической экспедицией Института востоковедения РАН (рук. В. В. Лебединский) и подводного клуба «Ростов-Дайв», при участии заповедника «Херсонес Таврический» были проведены археологические исследования в акватории недалеко от населенного пункта Балаклава г. Севастополя. На глубине 83 м в илисто-песчаном грунте были обнаружены скопление амфор, фрагменты деревянных конструкций, что позволило определить данную находку как место кораблекрушения судна. Размер верхнего, видимого горизонта памятника (амфорного пятна) – 27х14 м. Нахождение судна в таком грунте обеспечило хорошую сохранность объекта. На месте кораблекрушения видны выступающие части корабельных конструкций хорошей сохранности, что позволяет надеяться на обнаружение значительных фрагментов корпуса судна, которые помогут в реконструкции формы и отдельных узлов средневековых судов. Груз же судна состоял из амфор.

Был произведен подсчет количества амфор и их крупных фрагментов в верхнем слое памятника, который показал цифру в 250–255 единиц. Для уточнения вида тары, ее датировки, а также содержимого были подняты на поверхность амфоры первого слоя – пять единиц. Амфоры представлены одним типом. Они имеют грушевидное тулово с небольшим перехватом в нижней части корпуса, округлое дно. Массивные, слегка уплощенные в сечении ручки высоко поднимаются над венчиком, крепятся непосредственно под ним и под углом опускаются на тулово. Венчик оформлен в виде так называемого «отложного воротничка», горло высокое. В верхней и нижней частях тулова – желобчатое рифление. Размеры поднятых сосудов варьируются от 46 до 54 см, диаметры венчиков от 10,2 до 11,0 см, высота горла от 10,2 до

* Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Археологические исследования византийского кораблекрушения X-XI вв. у Балаклавы с использованием телеуправляемых глубоководных подводных аппаратов» (№ 18-49-920005).

17 см соответственно размерам сосудов; максимальный диаметр тулова – в пределах 24–25 см. Глина красновато-желтая с лакунами от выгоревших органических частиц, с блесками на поверхности. На ручке, у нижнего прилепа, одной из амфор (№ 37649/2) сохранилось врезное клеймо в виде круга, внутри которого неясное буквенное обозначение. В нижней части горла другого сосуда (№ НВФ 1331/2) также имеется частично сохранившийся клеймо в виде квадрата (?), внутри которого буквенное обозначение. Наличие клейма на амфорах данного типа – явление редкое.

Амфоры относятся к известному типу (Gunsenin, type IIb; Hayes, type 60; Антонова и др., тип XXI; Романчук и др., класс 43; Todorova, type II Subtype II; Bakirtzis, Type IV). Ряд исследователей делят данные амфоры на подтипы: на два или на пять. В хронологическом диапазоне исследователи выделяют типы с ярко выраженными высокоподнятыми над остеоидным венчиком ручками, грушевидным с перехватом корпусом, и датируют их п. п. – сер. XI в.

В Херсонесе амфоры с венчиком в виде «отложного воротничка» широко известны и исследователями датируются в пределах вт. пол. X–XI вв. На крымских памятниках датировка сосудов укладывается в эти же хронологические рамки. Распространение амфор данного типа простирается практически на весь бассейн Черного моря. Встречается этот тип также на средиземноморских памятниках. Большинство исследователей относят эти амфоры именно ко вт. пол. X–XI вв. В комплексах Болгарии и Добруджи амфоры Gunsenin type II встречаются в 1030–40-е гг./ п. пол. XI в. Вероятно всего, дата наших сосудов этого же времени.

Относительно производства сосудов единого мнения нет. Локализуют их на южном побережье Черного моря, в окрестностях Никеи и Трапезунда; Эгейского региона. Ряд исследователей выделяют в качестве одного из нескольких центров производства Халкис (о. Эвбея).

Грушевидные амфоры с венчиком в виде отложного воротничка относятся к приблизительно одному стандарту: высота от 45 до 54 см, диаметр 23–27 см, что приблизительно составляет 10–11 л в объеме. Данный объем соответствует приблизительно 10,250 л, т. наз. морскому метру – стандарту, предписанному Книгой эпарха для продаж вина. В пользу транспортировки вина в данной партии амфор, говорит нам находка сосновой пробки с небольшим сквозным отверстием в центре. Подобная находка пробки вместе с амфорой данного типа известна с кораблекрушения у мыса Меганом (Крым). В кораблекрушении у мыса Стоба (Хорватия) одна из амфор также была закрыта деревянной пробкой. Исследователи отметили особенность оформления венчика (слегка воронковидная форма) – специально для закупоривания амфоры пробкой. Аналогичную форму мы наблюдаем и на амфорах с кораблекрушения у Балаклавы.

Скорее всего, это было торговое судно, шедшее от берегов Малой Азии, вероятно, из района Константинополя, к мысу Сарыч и далее к Херсону или средневековым поселениям, расположенным в Восточном Крыму. Возможно, что данный корабль в качестве груза перевозил вино с побережья Греции.

Библиография

Антонова И. А., Даниленко А. И., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81-101.

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.

Bakirtzis Ch. Byzantine Amphorae // BCH. Suppl. 18. P., 1989. P. 73-77.

Günsenin N. Recherches sur les amphores byzantine dans les mées Turcs // BCH. Suppl. 18 P., 1989. P. 269-271.

Hayes J. W. The Pottery. Excavations at Sarashane in Istanbul. Princeton, 1992.

Todorova E. The Medieval Amphorae (Ninth to Fourteenth Centuries AD) from Excavation at Silistra in 2007 (Preliminary Report) / Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Sofia, 2011. P. 131-140.

М. В. Грацианский

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва)

События 395 г. и формирование восточно-римской государственности

Разделение Римской империи в 395 г. является последним в ряду аналогичных событий, являвшихся характерными для римской империи со времени Диоклетиана (284–305). Само по себе оно не знаменовало решительной перемены в судьбах империи, однако целый ряд обстоятельств делает его характер уникальным. Знаменательность событий 395 г., последовавших за смертью императора Феодосия Старшего (379–395), в историографии была отмечена давно, однако ее восприятие следует признать ограниченным и недостаточным. События 395 г. обычно рассматриваются в контексте последующего крушения Западной Римской империи, причины которого называются самые разные. Прежде всего, подчеркивается варваризация римской армии, засилье варваров на государственной службе, экономический кризис, закрепощение населения и в целом «феодализация» общественно-экономических отношений.

Причины, приведшие к краху римской цивилизации на Западе и ее выживанию на Востоке, признаются объективными, однако попыток их конкретизации или детализации в историографии почти не встречается. Также совершенно недостаточным на современном этапе исследования истории Римской империи является степень изученности позднеантичных элит в связи с их

региональными и/или общегосударственными экономическими и политическими интересами.

Окончательное деление Империи на Запад и Восток рассматривается в контексте локального политического или династического решения, между тем как оформление этого раздела отражает более глубокое, сущностное разделение внутри элит западной и восточной частей Империи, имевших противоположные экономические интересы.

Основной конфликт между элитами Запада и Востока коренился в принципиальном различии ролей, которые играли те или иные территории в жизни Империи. Если Восток был основным обладателем богатств, главным наполнителем общеимперского бюджета, производителем и поставщиком высококачественных товаров и ресурсов, то Запад был их нетто-потребителем. Западные провинции критически зависели от налогов, собираемых на Востоке, являвшихся для них фактическими дотациями. Попытки сверстать бюджет западных провинций исключительно из местных средств неизменно приводили к усилению налогового гнета и разорению местного населения.

Слабость экономических структур западных провинций обуславливала их критическую зависимость от государственных субвенций, которые формировались из налогов, собираемых на Востоке. Таким образом сложилась ситуация, при которой до $\frac{3}{4}$ государственных доходов получались на Востоке, в то время как примерно $\frac{3}{4}$ государственных расходов производились на Западе.

Постоянно нараставшие в IV в. в условиях усиливающего натиска варваров трудности поддержания западных провинций, отсутствие для нее достаточной экономической и демографической основы, к концу века поставили под вопрос саму возможность существования римской цивилизации на Западе.

Между тем, к 395 г. экономически, ресурсно и демографически преобладавший Восток получил в свое распоряжение прочную политическую структуру, интересы которой все больше обособлялись от интересов наиболее отдаленных западных провинций, представленных в составе Римской империи обширной префектурой Галлий (*praefectura Galliarum*). События 395-го и последующих годов были ознаменованы быстрой консолидацией восточных элит, прежде всего, чиновной аристократии в Константинополе и ее отказом от поддержки западной части Империи.

В лице Стилихона Запад сделал в это время последнюю попытку поставить Восток под свой политический контроль. Неудача этой попытки, символически оформленная взятием Рима пришедшим с Востока Аларихом в 410 г., ознаменовала смену политических ролей, при которой западные элиты полностью утратили свое влияние на Востоке. История ближайших к этому событию десятилетий наглядно показала нежизнеспособность римского Запада в отрыве от Востока и, с другой стороны, потенциал восточных террито-

рий, на которых, — при всех перипетиях византийской истории, — римская государственность просуществовала еще тысячу лет.

И. А. Дружинина

*Институт археологии РАН
(Москва)*

**От Константинополя до Ханбалыка: о верованиях населения
Северо-Восточного Причерноморья XIII–XIV вв. (на примере одной
археологической находки)***

Со времен Юстиниана I (527–565 гг.) и вплоть до XV в. Северо-Восточное Причерноморье являлось частью византийской христианской ойкумены. Для обращения местных языческих племен в лоно Константинопольской церкви была учреждена Зихская епархия (известна со второй трети VI в.), начато храмовое строительство. О христианской миссии свидетельствуют находки предметов личного благочестия, печатей архиепископов Зихии, распространение христианского погребального обряда и памятников греческого письма.

Тем не менее, приверженность населения христианской вере напрямую зависела от твердости позиций в регионе самой Византии. Так, усиление в IX в. Абхазского царства вкупе с иконоборческим кризисом в империи привели к переносу епархиальной кафедры из Никопсии в Матарху (Чхаидзе, Дружинина, с. 286). Зыбкое положение новой веры среди зихов Никопсии определила устойчивость местных культов, на которые опирались разобщенные племенные элиты, а также однородный этнокультурный состав неофитов. Напротив, прочные позиции христианства на Тамани и в ближней округе были обусловлены тем, что здесь монотеистическая религия поддерживала централизованную власть и выступала общей нивелирующей силой в полиэтнической среде, частью которой в разное время были греки, сугды, зихи, праболгары, папаги, касоги, аланы и другие народы.

В эпоху монгольского владычества на Кавказе число новообращенных христиан заметно увеличивается. В третьей четверти XIII в. архиепископия Зихии возводится в ранг митрополии (Чхаидзе, с. 413). В Нижнем Закубанье появляются обширные грунтовые некрополи аналогичные христианским могильникам Тамани и Крыма. Часть полиэтнического населения, оставившего эти памятники, составляли выходцы из Степи — оседавшие на земле кочевники (Дружинина, с. 216–217).

Это новое население принесло в регион и не известные здесь ранее верования и культы Востока. Одним из замечательных подтверждений тому является находка в подкурганном женском захоронении XIV в. у станицы На-

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 17-29-04313.

тухаевская серебряного очелья (Сизов, с. 83, таб. XIII, 1) с изображением *юэ ту* – зайца, который, согласно древнему китайскому мифу, живет на Луне и круглый год толчет в ступке гриб *лин чжи* для приготовления эликсира бессмертия (Мифы, с. 680).

Сюжеты с *юэ ту* известны на монетах, керамике, зеркалах, китайском шелке. В монгольское время изображение лунного зайца на рукавах халатов становится атрибутом костюма кочевой аристократии (Доде, с. 266; Елихина, Юрченко, с. 401).

Стиль оформления очелья роднит его с кругом предметов, выявленных в погребениях кочевников XIII–XIV вв. на огромной территории от Внутреннего Тянь-Шаня до степей Прикубанья и Подонья. Тем не менее, ближайшие аналогии позволяют рассматривать находку как продукт ювелирных мастерских Крыма или Карпато-Балканского региона.

Детальное изображение *юэ ту* указывает на соблюдение изготовителями натухаевского очелья китайских «канонов» в передаче мифа о лунном зайце. Важно, что происходящие с территории Улуса Джучи аналогии находились именно в женских погребениях, что может быть связано с китайскими представлениями о Луне как символе женского начала, погребения принадлежали представительницам элиты монгольского государства, и в особенностях этих памятников исследователи обнаруживают признаки, соотносимые с буддийскими традициями (Костюков, с. 222). Археологический контекст натухаевской находки и ее аналогий свидетельствует о пребывании в Северо-Восточном Причерноморье в XIV в. группы людей, которой не только было известно содержание мифа о лунном зайце, но и назначение предметов с *юэ ту* в погребальном обряде.

Изображение на натухаевском очелье вместе с *юэ ту* равноконечных крестов из четырех точек может рассматриваться как проявление синкретизма христианства и верований, восходящих к древнекитайской мифологии.

Библиография

Доде З.В. Эмблемы с изображениями луны, солнца и драконов в костюме монгольской кочевой элиты XIII–XIV вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2012. Т. 11. С. 251–278.

Дружинина И.А. Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 215–219.

Елихина Ю.И., Юрченко А.Г. Лунный заяц на тангка из Хара-Хото / Юрченко А.Г. Элита монгольской империи: время праздников, время казней. СПб., 2013.

Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник: 2007–2008. М., 2009. С. 189–236.

Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992. Т. 2.

Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологическая экскурсия / Материалы по археологии Кавказа. М., 1889. Вып. II. 183 с.

Чхаидзе В.Н. Краснодарский край. История. Распространение христианства // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 38. С. 410–413.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Зихская епархия и попытка христианизации зихов // Восточная Европа в древности и средневековье. 2014. Вып. 26. С. 286–291.

Н. Э. Жигалова

Уральский федеральный университет

(Екатеринбург)

Лженаследник османов: роль Мустафы Челеби в политике византийских императоров*

После битвы при Анкаре в 1402 г., когда эмир Тимур разбил войско османского султана Баязида I и взял его в плен, кардинально изменилась геополитическая ситуация в регионе. В Османском государстве началась внутридинастическая смута (1402–1413), а многие захваченные ранее территории были потеряны. Именно битва при Анкаре стала поворотным моментом во взаимоотношениях императора Мануила II и османских правителей.

На наследие Баязида I претендовали несколько его сыновей – Сулейман, Муса, Иса и Мехмед. В источниках сообщается, что еще двое сыновей султана попали вместе с отцом в плен к эмиру Тимуру, либо погибли при Анкаре. Одним из этих юношей был Мустафа Челеби, который вновь появляется на исторической арене лишь в 1413 или 1415 г. после завершения междоусобиц в Османском государстве и воцарения Мехмеда I.

В османской и византийской историографии шехзаде фигурирует преимущественно как лже-Мустафа (*düzme*), поскольку у современников были серьезные сомнения относительно происхождения новоявленного претендента на османский трон. Опираясь на византийские и османские источники, мы попытаемся реконструировать некоторые факты биографии (лже-) Мустафы, проследить линию его взаимоотношений с Византией и определить причины, толкавшие византийского василевса на сотрудничество со столь сомнительным кандидатом на османский престол.

Византийские историки отмечают, что Мехмед I и Мустафа столкнулись в 1416 г. у стен Фессалоники, однако Мустафа, потерпев поражение от брата, был вынужден просить убежища в городе. Разгневанный султан потребовал у византийцев выдать ему мнимого родственника, однако получил отказ. Со-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации межцивилизационного конфликта».

гласно Дуке, Мануил II заверил Мехмеда, что не позволит Мустафе покинуть Фессалонику без его ведома и будет держать его в тюрьме, покуда Мехмед не решит, что с ним делать (Ducae, p. 157. 18–25). По свидетельству Халкокондила, пленного Мустафу отправили на Пелопоннес в Монемвасию, откуда потом перевезли на Лемнос, затем на Имврос, после чего он вновь возвратился в Монемвасию, где находился до самой смерти султана Мехмеда I в 1421 г. (Laonikos Chalkokondyles, p. 336–338. 45). Очевидно, император рассчитывал в перспективе использовать Мустафу как инструмент внутридинастической борьбы в Османском государстве, поэтому не мог допустить смерти потенциального наследника османского престола – несомненно, именно эта участь ожидала Мустафу, если бы он оказался в руках султана.

В 1421 г. внутри османской династии вновь разразился кризис, вызванный притязаниями на трон двух претендентов, родственников покойного Мехмеда I – его сына Мурада и «брата» Мустафы, который покинул Пелопоннес и завладел румелийскими землями османов. Иоанн VIII Палеолог, будучи соправителем своего отца, Мануила II, вопреки его советам, поддержал Мустафу, который, в свою очередь, обещал вернуть византийцам Галлиполи в случае успеха. Однако ставка оказалась невыгодной для византийцев во всех смыслах – во-первых, одержав несколько побед над своим племянником, Мустафа Челеби отказался вернуть Галлиполи, заявив, что тогда «род мусульман никогда не признает меня повелителем» (Ducae, p. 197. 28–29). Во-вторых, вскоре Мурад, поддерживаемый османской знатью, разбил войска узурпатора, приказал казнить его и, в отместку за предательство византийцев, в 1422 г. осадил Константинополь.

Таким образом, спорная и противоречивая фигура (лже-) Мустафы оказала значительное влияние на политику византийских императоров – наблюдая за ростом могущества османских султанов, лишившись иных «своих» претендентов на османский престол, византийские василевсы были готовы поддержать даже сомнительную кандидатуру Мустафы, чье происхождение вызывало серьезные вопросы у современников, чтобы обрести лояльного византийцам союзника в лице потенциального османского правителя. Однако участие во внутридинастических распрях османов не принесло Византии ожидаемых результатов, а, напротив, лишь обострило противоречия между империей и Османским государством.

Библиография

Ducae Historia Turcobyzantina (1341–1462) / ex recensione B. Grecu. Bucharest, 1958.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories / transl. by A. Kaldellis. Cambridge, London, 2014. Vol. I

А. С. Козлов

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)

Характер военного присутствия империи в Далмации V в.

Характер римского военного присутствия в Далмации V в. оценить трудно. *Notitia Dignitatum* фиксирует подразделения, отведенные диоцезу Иллирик; именно для Далмации таких данных в источнике нет. Хотя Далмация, как и другие провинции Балкан, была стратегически важна, военное присутствие в ней при нормальных обстоятельствах было, скорее всего, минимальным. Для диоцеза Иллирик в целом выделялись крупные войска – 22 подразделения *comitatenses* (Not. Dig., Ос. VII (Distributio Numerorum), 40–62) и 195 единиц *limitanei* (Ibid., Ос. XXXII, 22–68; XXXIII, 24–74; XXXIV, 14–55), хотя в V в. их, возможно, было меньше. Из этих 195 *numeri* 171 предназначались для дунайской границы, так что для остальной территории диоцеза, включая Далмацию, оставалось 24 подразделения. Хотя дунайские речные подразделения источник называет, но о военно-морских силах в Салоне или в других гаванях Далмации речи не ведет. Раздел *Distributio* нашего источника называет комита Иллирика (под этой должностью перечисляются соответствующие *comitatenses*), в то время как комит Италии (без упоминания *officium* или боевых подразделений) композиционно присутствует в конкретных главах и индексе «Расписания». Возможно, как полагал А. Джонс, эти реалии источника отражают наличие между 395 г. и 20-ми гг. V в. двух разных командных структур. По Зосиму, около 409 г. командование, подобное упомянутому в *Notitia* для комита Иллирика, принадлежало магистру войск Генериду (Zosim., V, 46.3 – 5). Зосим также сообщает, что в 409 г. император Гонорий отозвал из Далмации пять подразделений для защиты Рима: «Эти подразделения включали шесть тысяч человек, являющихся главой римской армии благодаря своей смелости и силе. Руководил ими Валент, наиболее склонный ко всякому риску...» (Ibid., V, 45. 1 – 2; ср.: PLRE, II, P.1137). На основании этого сообщения можно предположить, что речь идет о *comitatenses*, но поскольку Зосим специально указывает на далматинскую дислокацию подразделений, то вероятнее, что это были лимитаны (возможно, из Салоны, резиденции презида). Если же они являлись полевыми армейскими частями, то, возможно, они оказались в Далмации после общего отхода от границ Дуная и последующей перегруппировки в этой провинции. Есть также вероятность, что эти подразделения были не из Далмации, а являлись частью кавалерийских *cunei* (каждая из которых именовалась *cuneus equitum Dalmatarum*), которые *Notitia* фиксирует и на Западе и на Востоке (имя каждого из этих подразделений указывало либо на территорию комплектования, либо, возможно, как полагал Л. Варадина, тип боевой единицы, но не на место дислокации). В

таком случае названные Зосимом части могли располагаться в Интерцизе, в Нижней Паннонии. Л. Мюссе в свое время предположил, что часть бывшей дунайской армии, переведенная в Далмацию, как раз и стала основанием для власти Марцеллина, но, как заметила Л. Мак-Джордж, временной промежуток между этими событиями, довольно велик.

Зосим не называет должность Валента, но если его подразделения были лимитанами, то он, вероятно, был *dux Dalmatiae*. Если же это войско было частью небольшой полевой армии, то ему мог принадлежать ранг *comes rei militaris* (PLRE, II, P.1137). Это дает основание для предположения, что последней должностью позднее обладал и владетель Далмации, «пытавшийся спасти» Западную империю, Марцеллин. Иными словами, вполне вероятно, что в первом десятилетии V в. определенные боевые части в Далмации существовали, но в 420-е гг. (когда *Distributio* перечисляет комитов Иллирика) их там уже не было.

Конечно, вероятность пребывания в Далмации в начале V в. значимых войсковых соединений есть. В таком случае лимитаны могли располагаться в таких ключевых точках, как Салона и в горнорудных районах. Хотя военно-политическая обстановка в империи этих десятилетий и запутана, но она выглядит еще туманнее (исходя из уровня наших знаний) применительно к событиям последующих декад V в. Политическая ситуация ухудшалась, но Запад в лице Флавия Констанция и Аэция еще оказывался способен на эффективную борьбу. Восток же сохранял недюжинный потенциал, опираясь на социальные ресурсы позднеантичных полисов и митрокомий. Тем не менее, база для финансирования армий в прежних масштабах слабела, и к середине V в. в том же Иллирике вряд ли оставались какие-либо *comitatenses*. По данным жития Св.Северина Норикского, к 60-м гг. V в. на среднем Дунае постепенно исчезают и войска лимитанов (Eugipp., XX, 20.1). Если учитывать складывание в Паннонии во второй четверти V в. центра гуннской державы, то меры по защите Далмации были бы логичны. Если Константинополь в это время уделял ей внимание, то, возможно, мог выделить войска для прибрежных центров, чтобы обеспечить морской маршрут в Италию. Трудно представить себе Аэция, выполняющим эту задачу, ибо в 440-х – начале 450-х гг. он целиком был сосредоточен на делах в Галлии и на отражении гуннов, рвущихся к Орлеану, а затем в Италию. Далматинские города могли и самостоятельно подготовиться к обороне – как против нашествия гуннов с севера, так и против вандалов со стороны моря, – набирая отряды из местного населения и нанимая варваров. Так или иначе, после 424–425 гг. мы почти ничего не знаем о событиях в Далмации вплоть до появления в источниках (фиксирующих события 60-х гг. V в.) фигуры Марцеллина.

С. А. Козлов

Тюменский государственный университет
(Тюмень)

**К вопросу о географической идентификации хоронима «Телиуца»:
Любеч или Полоцк?**

Доклад посвящен проблеме географической идентификации хоронима «Телиуца», упомянутого в 9-й главе DAI в числе пяти городов-крепостей «внешней России», откуда в Константинополь прибывают торговые караваны русов: Νεμοῦαρδάς, Μιλνίσκων, Τελοῦτζων, Τζερνιγῶων, Βουσεῦραδέ. Все пять хоронимов для DAI являются гапаксами, однако если идентификация четырех из них не вызывает трудностей (они уверенно связываются с Новгородом, Смоленском, Черниговом и Вышгородом), то «Телиуца» остается предметом сомнений. Наиболее распространена идентификация последнего с Любечем, однако, как неоднократно отмечалось в литературе, соответствие Любчъ > *Τελοῦτζα не находит удовлетворительного формально-лингвистического объяснения.

По существу, главным основанием для «любечской гипотезы» служит общее представление о «географической систематичности» перечня «внешнероссийских» городов, который «последовательно называет центры, лежащие на Днепровском пути, от самого северного – Новгорода – по мере их приближения к Киеву» (Константин Багрянородный, с. 310; ср.: Constantine Porphyrogenitus, p. 30). В то же время систематичность перечня явно преувеличена (Чернигов лежит в стороне от Волховско-Днепровского пути) и, кроме того, не объясняет, почему в нем названы одни пункты и проигнорированы другие.

Для корректной идентификации «Телиуцы» прежде чем строить догадки о том, что это за город, необходимо выяснить, кто о нем рассказал. Иначе говоря, следует выяснить, кто был непосредственным автором 9-й главы DAI и на каких наблюдениях основаны его географические донесения. Согласно Д. Оболенскому, этим автором был императорский василик, посланный Романом I Лакапином в 944 г. в Киев для ратификации договора с русами (Constantine Porphyrogenitus, p. 19). По мнению ученого, зафиксированные в 9-й главе скандинавизмы и славянизмы, включая номенклатуру «внешнероссийских» городов, указывают на получение части сведений от некоего скандинава-руса, выходца из двуязычной среды Киева. Исходя из этого, поиск соответствия для «Телиуцы» следует вести на материале близких по времени древнескандинавских текстов, которые, очевидно, должны отражать близкие скандинавскому информанту эпистемологические установки и модели пространства.

Как показала Т. Н. Джаксон, порядок перечисления городов Руси в скандинавских текстах соответствует строгому принципу: отчет начинается с восточной части региона, затем следует переход к северу западной части и,

наконец, – к югу последней (Древнерусские города, с. 122–123). Как минимум в двух скандинавских географических трактатах («Какие земли лежат в мире» и «Описание земли И»), упоминающих Новгород и Смоленск, месту константиновской «Телиуцы» регулярно соответствует Полоцк: [Νεμογαρδάς — Μιλνίσκαν — Τελιούτζαν] = [Holmgarðr — *Sýrnes-garðr (= Гнездовское городище) — Palteskia] = [Holmgarðr — Pallteskia — Smaleskia]. В свою очередь, Любеч древнескандинавским источникам не известен. Что касается его упоминаний в двух статьях ПВЛ, отнесенных в ее погодной сетке ко времени до середины X в. (к 6390 (882) и 6415 (907) гг.), то, как давно было показано, все они контаминируют реалии разного времени и несут следы позднего вмешательства летописца (Lind, p. 362–370).

С «полоцкой гипотезой» в целом согласуются археологические данные, демонстрирующие экспоненциальный рост экономического и политического потенциала Полоцка к середине X в. (Еремеев, с. 290). В это время на Полоцком городище интенсифицируется фортификационное строительство, возрастает роль скандинавских элементов. Об усилении связей Полотчины с Южной Русью и Византией свидетельствуют монетные клады, в составе которых обнаружен, в частности, фоллис Романа I Лакапина. В византийской традиции Полоцк (в форме Πολοτζίκων) впервые надежно зафиксирован в перечне епископий «Великой России», датируемом вт. пол. XII в. (Not. episc., 367. 763). В то же время, ввиду отсутствия независимых синхронных источников и надежных аргументов формально-лингвистического плана (и, добавим, палеографического), отождествление топонима *Τελιούτζα с Полоцком сохраняет статус гипотезы.

Библиография

Древнерусские города в древнескандинавской письменности / Под ред. Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон. М., 1987.

Еремеев И. И. Полоцкая земля // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Под ред. Н. А. Макарова. М.; Вологда, 2012. С. 275–297.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991.

Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio: A Commentary / Ed. by R. J. H. Jenkins. Washington, 2012.

Lind J. H. The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 62/3. P. 362–370.

М.А. Курышева

Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

**Рукопись Paris. gr. 1783 с портретами императоров династии
Палеологов: палеографическая датировка**

Парижская рукопись Paris. gr. 1783 содержит тексты, касающиеся жизни и истории византийской столицы: Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως, краткую анонимную хронику от Юлия Цезаря до Михаила [VIII] Комнина Палеолога с указанием лет его правления 1261–1283 гг., список императорских гробниц Свв. Апостолов и других монастырей и церквей Константинополя, список должностей византийского двора, список константинопольских патриархов периода «от Константина до василевса кир Иоанна Палеолога», обрывающийся на бумажном листе 98 об. Микрофильм рукописи Paris. gr. 1783 доступен для просмотра на сайте gallica.bnf.fr Национальной библиотеки Франции: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10723468t/f6.image> [дата обращения: 20.07.2017].

Эта рукопись знаменита своими рисунками, по-видимому, сделанными самими писцами и теми же чернилами, что и основной текст. На л. 1, согласно подписям, нарисованы свв. Константин и Елена, на л. 2 bis – портреты византийских императоров из династии Палеологов Иоанна V (1341–1376, 1379–1391) или Иоанна VII (1390), Мануила II (1391–1425), Иоанна VIII (1425–1448), а самое известное изображение находится в самом конце рукописи на л. 98 об., где нарисован святейший и вселенский патриарх Иосиф II (род. ок. 1360 г.; патриаршество: 1416 – 10.06.1439 гг.). Патриарх Иосиф II поддержал византийского императора Иоанна VIII Палеолога в вопросе о заключении унии Западной и Восточной церквей и вместе с ним принял участие в Ферраро-Флорентийском соборе. Во время пребывания на соборе патриарх был уже очень стар и болен, а во Флоренции он внезапно скончался.

Исследовавший рукопись Paris. gr. 1783 И. Спатаракис предположил, что рисунок в ней выполнен «итальянским мастером либо греком, испытывавшим сильное западное влияние». И именно по последней миниатюре И. Спатаракис считал, что *terminus post quem* рукописи создания Paris. gr. 1783 – время патриаршества Иосифа II, а общая датировка кодекса – XV в.

Изучение почерка первого писца рукописи привело нас к заключению, что стиль этого рисунка не может быть ориентиром в ее датировке, а вся рукопись Paris. gr. 1783 и ее рисунки датируются серединой XVI столетия. Поскольку рукопись, по-видимому, происходит из среды греков критского происхождения, работавших в Венеции и Риме для итальянских гуманистов, то она и несет отпечаток «западного влияния».

Почерк первого писца Paris. gr. 1783, который написал л. 1–95 об., т.е. большую часть рукописи, а также двух других писцов, написавших соответственно л. 96–96 об. и 97–98 об., – относятся к группе почерков критских греков середины XVI в., хотя и имеют ярко выраженные индивидуальные черты. Нам не удалось найти этим писцам прямых аналогий в альбомах, однако представление о такого рода почерках дает элитарное, но типологически близкое письмо знаменитого критского каллиграфа, сотрудника библиотеки Франциска I в Фонтенбло Ангелоса Вергикиоса (с 1535 по 1569 г. им написано около 130 рукописей). А также связанных с ним писцов, среди которых – его племянник Петр Вергикиос (известны его рукописи, написанные с 1536 по 1559 г.), Антоний Епископопулос (датированные рукописи с 1565 по 1588 г.), Венедикт Епископопулос (датированная рукопись 1571 г.), Иаков Епископопулос (середина – 2-я половина XVI в.), Иоанн Франциск или Франциск Грек (писец Ватикана в 1549–1555 гг.), Авксентий Трахотис (датированные рукописи с 1572 по 1574 г.).

В основном почерке Paris. gr. 1783 встречаются такие же лигатуры и характерные элементы, какие легли в основу шрифта «*grecs du roi*», разработанного в 1541 г. Клодом Гармоном как раз на основе почерка Ангелоса Вергикиоса. Почерк первого писца рассматриваемой рукописи близок и к почерку другого знаменитого писца эпохи – также критского грека из Ретимно Мануила Проватариса, с 1546 по 1571/1572 гг. сотрудника и копииста Ватиканской Библиотеки, который написал или сотрудничал с другими писцами в изготовлении дошедших до нас 155 греческих рукописей.

Рукопись Paris. gr. 1783 написана анонимными писцами-выходцами с Крита в середине – третьей четверти XVI в. в Италии.

Т. В. Куц

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург*

Несостоявшаяся осада Константинополя в 1438 г.*

В ходе растянувшегося на столетие османского завоевания Византии имели место несколько осад Константинополя, последняя из которых завершилась взятием в 1453 г. византийской столицы и падением империи. Первая же попытка захватить город была предпринята османами еще в 1394 г. На протяжении восьми лет турки держали Константинополь в кольце, так и не решившись его атаковать. В течение этой долгой осады они то ослабляли бло-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации междоцивилизационного конфликта».

каду, то усиливали ее. Османы отступили от города лишь после того, как их султан Баязид I потерпел поражение от Тимура в битве при Анкаре в 1402 г. Еще одну попытку с ходу атаковать византийскую столицу предпринял в 1411 г. Муса, один из претендентов на османский престол. Однако наиболее серьезную опасность представляла осада, которую летом 1422 г. начал султан Мурад II. Собрав значительные силы под стенами византийской столицы, он попытался взять ее штурмом 24 августа 1422 г., но был отброшен ромеями, оказавшими ему упорное сопротивление. Внутренние проблемы заставили тогда султана снять осаду и увести войска в Анатолию. Он, вероятно, не отказался от мысли подчинить Константинополь, чтобы соединить свои балканские и малоазийские владения. Но осуществить эти планы было суждено лишь его наследнику, Мехмеду II Завоевателю, в 1453 г. Но этому последнему штурму, возможно, предшествовала еще одна потенциальная, но нереализованная возможность атаковать город, о которой и пойдет речь в настоящем докладе.

Мы располагаем сообщением Георгия Сфрандзи о готовившемся нападении османов на Константинополь в 1438 г. Согласно Сфрандзи, в ставке султана обсуждался вопрос о новом походе на Константинополь. Момент казался подходящим: 27 ноября 1437 г. греческая делегация во главе с императором Иоанном VIII отправилась в Феррару на собор, который должен был обсудить унию церквей. Используя ситуацию, Мурад II, как пишет византийский историк, принял решение напасть на Константинополь, отправив туда часть своей армии. Он, правда, не рассчитывал захватить город, а стремился лишь вынудить императора вернуться из Италии и не допустить тем самым заключения унии. Идея султана нашла поддержку у его окружения, за исключением одного приближенного: Халил-паша охладил пыл Мурада и привел доводы, заставившие того отказаться от подобного плана. Таково краткое изложение сообщения Сфрандзи, которое порождает ряд вопросов. Насколько реальной была угроза новой осады турками Константинополя? Действительно ли Мурад II планировал сорвать переговоры об унии, оказав военное давление на императора? Почему не состоялась атака на византийскую столицу, несмотря на благоприятную для османов ситуацию? Поиск ответов на эти вопросы убеждают нас, что опасность нападения на Константинополь существовала в реальности. В ставке султана были прекрасно осведомлены о ситуации в Константинополе, знали об отбытии делегации в Италию и следили за переговорами. Однако вряд ли можно считать, вслед за Сфрандзи, главной причиной планируемого рейда желание султана сорвать заключение унии. Сообщение Сфрандзи о военных планах Мурада II помещено в контекст повествования об унии, усиливая критику историком того курса, который проводил Иоанн VIII. Турки, безусловно, опасались объединения христианских церквей, но они реально оценивали и политическую ситуацию, понимая, что уния необязатель-

но повлечет за собой военную помощь Византии со стороны западных стран. Мурада II останавливал и горький опыт военного противостояния с ромеями, и заключенные соглашения с Византией, которые позволяли говорить с империей с позиции силы, и внутренние проблемы в его балканских владениях.

В. В. Майко

*Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)*

Византийские амфоры Сугдеи X – первой половины XIII вв.

В первой четверти X в. в связи с прекращением функционирования салтово-маяцкой культуры Крыма амфоры местного производства полностью выходят из обращения. С середины X в. амфорная керамика полуострова исключительно импортная византийская. Сказанное справедливо и для средневековой Сугдеи. Огромный накопленный за 55 лет стационарных исследований города материал, несмотря на отдельные попытки обобщений (Майко, 2014, с. 87-98; Майко, 2016, с. 19-44, 87-93), еще ни разу целиком не анализировался. Для подобного анализа есть не только достаточный археологический материал, но и серьезные научные разработки (Булгаков, 2000).

Все существующие в Сугдее типы византийских амфор можно отнести к трем хронологическим периодам. Для середины X – рубежа XI/XII вв. эти сосуды можно разделить на 4 основных типа.

Тип 1 – преобладающий в количественном отношении, представлен амфорами с венчиком в виде «отложного воротничка». Начало их производства и Византии приходится на вторую четверть X в. В это же время они начинают поступать на полуостров. Центр производства остается до настоящего времени невыясненным. Не исключено, что он был и не один. Амфоры Сугдеи типа 1, исходя из степени приподнятости над венчиком ручек и выраженности перехвата на тулове, можно разделить на четыре хронологических варианта.

Тип 2 – «сфероместные» амфоры. Центр их производства надежно локализован в районе Саркей и Газики на побережье Мраморного моря у подножья горы Ганос. Исходя из указанных для типа 1 критериев, в современной литературе они подразделяются на два хронологических варианта.

Тип 3 – желтоглиняные крупные рифленые амфоры с грушевидным туловом. Они встречаются в Сугдее только в виде фрагментов. Центр производства амфор этого типа, как и территория распространения, пока окончательно не выяснены. В Сугдее впервые появляются в поздних салтово-маяцких комплексах первой половины X в.

Тип 4 – небольшие по размерам конически-вытянутые амфоры, встреченные в Сугдее только в виде фрагментов. Центр их производства так же остается пока не выясненным.

Второй хронологический период, охватывающий практически весь XII в., характеризуется эволюционным развитием амфор типа 1 и 2 предшествующего времени и их превращением в те типы, которые стали основными к середине XIII в. Пути развития амфор были разнообразными. Их трудно представлять исключительно в виде постепенной эволюционной линии. На современном этапе изучения пока рано говорить о стабильных типах, не исключено, что их не существовало.

Группа 1 – небольшие сосуды с туловом близким к тулову амфор с высокоподнятыми ручками. Однако в верхней его части на месте перехода к шейке имеет более крупное рельефное рифление. Отличаются они и слабо выраженным манжетовидным венчиком и овальными в сечении ручками.

Группа 2 – амфоры с небольшим грушевидным туловом, близким к амфорам с манжетовидным венчиком, но имеющие на нем гребенчатое частое рифление. Ручки высоко подняты над слабо выраженным манжетовидным венчиком.

Группа 3 – амфоры, нижняя часть грушевидного тулова которых близка «сфероемкостным», а верхняя – амфорам с высокоподнятыми ручками. При этом еще присутствует слабо выраженный манжетовидный, венчик.

К третьему хронологическому периоду рубежа XII-XIII вв. отнесено три типа амфор.

Тип 1 – светлоглиняные амфоры с овальным туловом на плоско-вогнутом дне. Начало их поступления в Сугдею можно датировать рубежом XII-XIII вв. Наиболее активный период проникновения приходится на 40-60 гг. XIII в. В качестве мелких фрагментов они встречены в слоях Сугдеи первой половины XIV в.

Тип 2 – амфоры константинопольского производства с дуговидными ручками. Вероятно, они начинают поступать в Таврику во второй четверти XIII в., но надежно датированные закрытые комплексы Сугдеи, содержащие четыре основных варианта, датируются только серединой этого столетия.

Тип 3 – амфоры с веретенообразным туловом, покрытым гребенчатым рифлением и высоко поднятыми ручками. В полностью сформированных двух основных вариантах они появляются так же не ранее середины XIII в.

Три выделенных периода существования в Сугдее византийских амфор отражают различные этапы экономических связей средневекового города с Константинополем и центральными провинциями империи.

Библиография

- Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X-XII вв. К., 2014. 467 с.
Майко В.В. Керамика Восточного Крыма второй половины X-XIII вв. Saarbrücken, 2016. 212 р.
Булгаков В.В. Византийские амфоры IX-XIV вв.: основные типы //

Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 4 (5) (<http://archaeologe.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>).

Д. И. Макаров

Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского
(Екатеринбург)

Феодор Метохит о двух видах созерцания

Философско-антропологические воззрения великого логофета Феодора Метохита (ок. 1260–1332), учителя философии Григория Паламы, необходимо рассматривать в контексте общеевропейской и всемирной истории философии и осмысления форм духовной жизни. В данном сообщении мы сосредоточимся на двух видах созерцания, выделяемых мыслителем в одном из главных произведений – «Диалоге о нравственных проблемах, или Об образованности» (ок. 1305, согласно И. Полемису). И если на античные и средневековые параллели к антропологии Метохита (Платон, Филон, Синесий Киренский) уже указывалось (Πολέμης), то с постренессансной и новейшей историей философии идеи Феодора еще не были сопоставлены должным образом. Между тем, уже в силу своей архетипичности (см., например, критику иррационализма в прологе трактата, гл. 5) эти идеи обладают несомненным общекультурным и мировоззренческим интересом. И не случайно сходные (разумеется, чисто типологически) идеи обнаруживаются в последней книге Анри Бергсона (1859–1941) – «Два источника морали и религии» (1932).

Данная тема является частью более обширного комплекса проблем, хорошо известных византинистам как «Byzance après Byzance». Так, выясняется (приведем один пример), что в творчестве Сигизмунда Кржижановского (1887–1950) ряд центральных идей (таких, как определение истины), вполне вероятно, восходит к византийским источникам (не говоря уже о влиянии на писателя Гомера, также сохраненного нам византийскими переписчиками, древнехристианской апокрифической литературы и агиографии) (Макаров).

Все наши знания, говорит Метохит в 50-й главе трактата, мы черпаем из опыта. Однако – в силу общего упадка культуры – мы даже не в состоянии толком рассказать о том, что нам открывается в опыте (Θεόδωρος Μετοχίτης, р. 206.50.6-12). «Некоторые пошли еще дальше: основываясь на истинном опыте, общедоступном для всех, настолько презрели видимый мир, что сочли за лучшее не говорить о нем и вовсе ничего, но впали в какое-то полнейшее безгласие, довольствуясь одним лишь созерцанием (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Д. М.), да и ему не больно-то радуясь и будучи не в состоянии чего-либо добиться, руководствуясь им, потому что для большинства, как отмечалось раньше, больше созерцания ничего и нет. Так много ли проку в том, что кто-то уразумел людские бедствия глубже остальных, однако, сам не

миновал их (абсолютно добровольно или нет – другой вопрос) – точно так же, как и остальные?» (Ibid. P. 206.50.12-22).

Метохит критикует тех, кто, отойдя от опытного познания чувственного мира, не дошел до познания сверхчувственного, а остановился в некоем промежуточном и *пассивном созерцании*, каковое для Метохита неприемлемо.

Теперь обратимся к I главе «Двух источников морали и религии» А. Бергсона: «...Единственная дорога ведет от действия, заточенного в замкнутом кругу, к действию, развертываемому в свободном пространстве, от повторения – к творчеству, от инфраинтеллектуального – к суперинтеллектуальному. Тот, кто останавливается между обоими действиями, непременно оказывается в области чистого созерцания; не придерживаясь более одного и не достигнув другого, он естественно... осуществляет ту полудобродетель, каковой является отрешенность» (Бергсон, 68). Бергсон адресует упрек тем, кто, отойдя от замкнутого, инфраинтеллектуального и несвободного действия, не дошел до разомкнутого (или открытого) и свободного, остановившись на «чистом созерцании». В обоих случаях созерцание оказывается той промежуточной сферой, к которой *volens-nolens* прибегают люди пассивные, не желающие принимать активного участия ни в общественных, ни в культурных делах. Нам представляется, что мысль Метохита в данном вопросе, по сути, очень близка, если не тождественна, бергсоновской.

Зато высшее, активное созерцание, которому посвящена большая часть трактата, называется «истинным раздольем, любезным сердцу» (Μετοχήτης, р. 2.5-6) и ведет своего адепта к высотам познания и культуры. Это понятие входит составной частью в идеал калокагатии, т.е. гармоничного развития ума и воли, совести и чувства свободного индивидуума. На близость этого идеала стремлениям итальянских гуманистов XIV–XV вв. обращалось внимание уже неоднократно, начиная с классических трудов Г.-Г. Бека и Г. Хунгера.

Если же сопоставить воззрения на созерцание Метохита и представителей византийской монашеской оппозиции исихазму V–XII вв., то можно высказать предположение о том, что и Феодор, скорее всего, стал бы отрицать непосредственное боговидение святых и их проникновение в глубины сердца и разума других людей под воздействием Св. Духа. Он бы, по-видимому, склонился к мысли преп. Феодора Студита, а также авторов Житий св. Никиты Мидикийского и св. Афанасия Афонского (так называемого «Жития А») о том, что святые, как и все люди, пользуясь естественно присущей разуму способностью созерцания, распознают душевные состояния других людей по внешним признакам (Krausmüller, 2015, 111–128; Krausmüller, 2017, 65–73). Во всяком случае, как отмечали И. П. Медведев, И. Полемис и другие ученые, у того созерцания, о котором ведет речь Метохит (и это хорошо видно в диалоге «Об образованности»), отсутствует трансцендентное измерение. Большого не сказано (о том, что оно отсутствует вообще) – но из сказанного

можно сделать вполне определенные выводы. Метохит представляет собой относительно редкий для Византии тип светского философа, который смог (в отличие от Итала) не вступить в конфликт с православной ортодоксией – и притом не в силу политической изворотливости, но благодаря гибкости и традиционности его мысли, в которой отсутствовали предпосылки для подобного рода конфликта. Так, в отличие от митр. Исидора Киевского (согласно гипотезе И. Полемиса), он вряд ли согласился бы принять унию с латинянами на внебогословской основе, предпочитая сохранение традиционного *status quo*. Тем не менее, выделение Метохитом особого – низшего и пассивного – вида созерцания (в отличие от высшего, творческого) само по себе оказалось творческой идеей, созвучной исканиям позднейшей философии вплоть до Бергсона.

Библиография

Бергсон А. Два источника морали и религии / Пер. с франц. А. Б. Гофмана. М., 1994.

Макаров Д. И. Сад расходящихся судеб. Очерки о русской и итальянской литературе XX–XXI вв. (в печати).

Krausmüller D. Diorasis Denied. Opposition to Clairvoyance in Byzantium from Late Antiquity to the Eleventh Century // JÖB. 2015. Bd. 65. S. 111–128.

Krausmüller D. 'Nobody has ever seen God' – The Denial of the Possibility of Mystical Experiences in Eighth- and Eleventh-Century Byzantium // Journal of Late Antique Religion and Culture. 2017. Vol. 11. P. 65–73.

Θεόδωρος Μετοχίτης. Ἠθικὸς ἡ περὶ παιδείας / Εἰς., κριτικὴ ἔκδοσις, μετάφρασις, σημειώσεις ἀπὸ Ἰ. Δ. Πολέμη. Ἀθήνα, 2002.

Πολέμης Ἰ. Δ. Ἡ ἡδονὴ τῆς θεωρίας τῶν ὄντων στὸν Θεόδωρο Μετοχίτη. Ἐπιδράσεις τοῦ Φίλωνος τοῦ Ἰουδαίου καὶ τοῦ Συνεσίου τοῦ Κυρηναίου στὸν Ἠθικό // Ἑλληνικά. 1999. Τ. 49/2. Σ. 245–275.

И. П. Медведев

Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург)

Танатология Георгия Гемиста Плифона

Христианство является религией, победившей смерть, поскольку рассматривает смерть лишь как временное разделение тела и души, считая, что однажды – в конце мира – они снова воссоединятся. Казалось бы, в Византии, являвшейся олицетворением наиболее консервативных традиций в христианстве, эти идеи преобладали – согласно общему мнению – среди глубоко религиозного населения. Тем не менее, как показал Г.-Г. Бек в своей работе «Византийцы и их загробная жизнь», трактовка византийцами смерти и того, что ожидает человека после конца земного существования, была порой

весьма далека от церковного учения, будучи даже антихристианской. Один из самых ярких примеров тому является танатология поздневизантийского философа-неоплатоника Георгия Гемиста Плифона, которому по ряду причин Г.-Г. Бек не уделил достаточного внимания, к анализу взглядов которого мы и обратимся. Наибольший интерес представляют взгляды Плифона на проблему смерти (которая для него есть путешествие в чужую землю, но даже более – дорога бессмертия) и на суицид. Согласно Плифону, главное отличие животного и человека состоит в способности последнего совершить суицид, который приближает его к божеству, когда самоубийца уничтожает свое смертное «я» с помощью собственной бессмертной сущности. В. Блюм высказал предположение, что эта *idée fixe*, которая, кажется, делает Плифона апологетом чистого самоубийства, должно быть была вызвана тяготами старости или плохого здоровья (или была *ultima ratio* перед неизбежной угрозой падения империи и его любимой Мореи). Возможность того, что собственная смерть Плифона была самоубийством, в любом случае нельзя исключать.

Однако, поскольку вся философия Плифона обращена в будущее и пронизана оптимизмом, утверждая, что истинное существование человека есть на земле, кажется маловероятным, что Плифон мог быть сторонником такого мрачного «модуса экзистенции» человека в пограничной ситуации. Эта идея, относящаяся вообще к вопросу свободы воли (или даже свободы выбора, что подразумевало преодоление собственной судьбы) было по всей вероятности частью философской рефлексии Плифона, берущей начало от стоиков, а не от самого Плифона (он, кажется, не счел возможным бросить вызов судьбе). Более того, Плифон не был одинок, рассуждая о вопросе суицида, поскольку и его бывший учитель Димитрий Кидонис касался проблемы (хотя без таких глобальных заключений) в своем известном трактате «*De contemnendo morte*».

В. Е. Науменко

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь)*

**Укрепление Сиваг-Кермен в юго-западном Крыму. Новая
византийская крепость легендарной «страны Дори» Прокопия
Кесарийского (предварительное сообщение)***

В 2015–2017 гг. сотрудниками Мангупской археологической экспедиции Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского проводились

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ «Историческая топография «страны Дори» в Юго-Западном Крыму. Комплексные археолого-геофизические исследования», проект №15-06-04670.

работы по картографированию памятников археологии в ближайшей округе Мангупского городища. Составленная археологическая карта региона ныне включает 18 памятников (Герцен, Науменко, с. 38–53, илл. 2). Дополнительно обследовалось малоизвестное укрепление Сиваг-Кермен, расположенное на дальней (около 9 км) северной периферии Мангупа.

Топография и история изучения крепости. Укрепление Сиваг-Кермен расположено в 5 км к югу от с. Верхнесадовое, на вершине невысокой сопки с обрывистым (до 45°) юго-западным склоном. Первое упоминание памятника под своим названием – Сиваг-Кермен-бурун («Мыс оштукатуренной крепости»), принадлежит Н. И. Репникову (Репников, л. 245). В 2010–2013 гг. небольшие разведки на нем проводились А. А. Филиппенко. На основании подъемного материала автором была выдвинута гипотеза о времени функционирования крепости в пределах V–VII вв. (Филиппенко-Коринфский, с. 372–375). Это сообщение сразу вызвало дискуссию в историографии вокруг назначения и хронологии укрепления, однако, следует признать, что обсуждение этих вопросов велось на основе слабо изученных либо не имеющих точного археологического контекста находок, в отношении памятника, не подвергнутого серьезным археологическим исследованиям, с установлением его ясного плана и стратиграфических особенностей. В итоге, авторы, принявшие участие в обсуждении, пришли к ряду надуманных и преждевременных выводов, к примеру, о гибели крепости в начале VII в. в результате междоусобных столкновений различных групп византийских федератов в регионе (Ступко, Филиппенко, с. 107–116), либо в связи с походом хазарского полководца Песаха против византийских владений на полуострове в 40-е гг. X в. (Вус, 2013, с. 237–243).

Таким образом, лишь археологических материалы из официальных раскопок памятника в 2015–2017 гг. составляют ныне достоверную источниковую базу для его дальнейших научных исследований.

Общие результаты исследований 2015–2017 гг. На сегодняшний день, от каменно-земляных отвалов расчищены западная, северная и восточная линии куртин и башен крепости, что позволило выполнить общий план памятника. Археологически изучены две из трех башен северного фронта обороны укрепления; его полный стратиграфический профиль получен на месте рекогносцировочного раскопа (площадью около 70 кв. м) в районе воротного проема крепости. В результате, собрана необходимая информация об общих размерах, планировке и стратиграфии памятника.

Крепость Сиваг-Кермен представляет собой отдельно расположенное укрепление с внутренними размерами 47,50 x 25,00 м (общая площадь 1187,50 кв. м), полигон которого ограничен пятью куртинами и тремя выступающими за северную линию стен оборонительными башнями. Все стены и башни сложены в одинаковой строительной технике – на известковом связу-

ющем растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки, что свидетельствует об одновременности их сооружения. Следы перестроек или ремонтов не обнаружены, что указывает на существование памятника в рамках одного строительного периода. Оборонительные башни – квадратные в плане, со стороной в пределах 3,20-3,60 м; ширина стен куртин и башен – 2,00-2,10 м. Другое важное наблюдение над строительной техникой крепости заключается в использовании определенного строительного материала – бутового с лицевой подтеской крупного и среднего размеров камня прямоугольных очертаний, изъязыны которого строители пытались скрыть от противника под толстым слоем штукатурки стен. Эта особенность укрепления резко контрастирует с хорошо известными квадровыми кладками ранневизантийского времени, открытыми на Мангупе и Эски-Кермене, что требует отдельного анализа особенностей памятников ранневизантийского оборонительного зодчества в Юго-Западном Крыму в будущем.

Проблемы хронологии и интерпретации укрепления. Датировка крепости обосновывается хронологией фрагментов керамики (около 1500), происходящих из ее культурного слоя и археологических комплексов. Доминируют фрагменты ранневизантийских амфор (более 90 %), среди которых наиболее многочисленны обломки амфор трех типов – красноглиняных типа V по ХК-71 (Антонова и др., с. 85, рис. 6), класса 1 по ХК-95 (Романчук, Сазанов, Седикова, с. 16-19, табл. 2-3) и светлоглиняных типа LRA 1 (Riley, p. 212-216). Группа бытовой керамики включает обломки гончарной и лепной с подложенной поверхностью посуды. Лишь несколькими фрагментами представлена краснолаковая керамика группы «Pontic Red Slip Ware» (группа PRSW). Также немногочисленны индивидуальные находки из культурного слоя Сиваг-Кермена. Среди них наибольший интерес вызывают железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, бронзовый браслет с незамкнутыми утолщенными краями и единственная монета – декануммий времени императора Юстиниана I (527–565), выпущенный в 563–564 гг. одним из монетных дворов Византийской империи за пределами Крыма. Эта монета, с учетом преобладания на памятнике перечисленных типов амфор и редкости краснолаковой керамики группы PRSW, дает основание датировать укрепление серединой – второй половиной VI в. н. э.

Сформулированная еще в начале исследований Сиваг-Кермена гипотеза о функциональной атрибуции памятника – византийская крепость на северных рубежах обороны Херсона, форпоста владений империи в Юго-Западном Крыму, населенная, очевидно, ее союзниками – готами и аланами, остается, очевидно, неизменной. В таком случае, речь идет об отдельном пограничном укреплении «страны Дори» византийских источников в регионе. Продолжение его раскопок в будущем, на широкой площади, является важнейшей

задачей исследования серьезной научной проблемы в истории Крыма эпохи раннего Средневековья.

Библиография

Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81–101.

Вус О. В. Ранневизантийский Limes в Северном Причерноморье: организация и структура инженерной обороны // ВВ. 2013. Т. 72 (97). С. 237–243.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. История изучения и топография храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища / Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.) / отв. ред. А. И. Айбабин. М.; СПб., 2017. С. 10–55.

Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // Архив ИИМК РАН. Ф. 10. Д. 10. 1939–1940. Рукопись.

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.

Ступко М. В., Филиппенко А. А. Дополнительные материалы к изучению крепости Сиваг-Кермен и поселения Ыылана // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XIX (VI). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы XIII Всеросс. научн. конференции «Лазаревские чтения». Севастополь, 2016. С. 107–116.

Филиппенко-Коринфский А. А. Мыс оштукатуренной крепости // Таврические духовные чтения. Материалы Междунар. научно-практической конференции, посвященной 140-летию открытия Таврической духовной семинарии. Симферополь, 2013. Т. II. С. 372–375.

Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice / Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Tripoli, 1979. Vol. II.

И. С. Охлупина

*Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)*

Слезы радости и слезы печали: мир эмоций в византийской агиографии VIII–XII вв.

Жития святых, наряду с другими источниками, позволяют исследователю проникнуть в дух эпохи, окунуться в мир эмоций и переживаний византийцев. Несмотря на очевидное тяготение агиографического нарратива к формам идеализированной действительности, следование жанровым канонам, благочестивые авторы житий невольно обогатили свои труды ценной информацией, касающейся в том числе и истории эмоций.

В данном докладе мы остановимся на анализе описаний, главным образом, проявлений экстремальных позитивных и негативных эмоций и эмоциональных реакций людей в византийской агиографии VIII–XII вв. на примере нескольких житий, а также общих рассуждений авторов о том, как следует принимать жизненные испытания и несчастья.

Антропологизация исторического знания позволила рассматривать стремление контролировать эмоции как важный компонент процесса цивилизации. Рассмотрение сознательных установок византийских агиографов по отношению к эмоциям в этом ракурсе позволит приблизиться к разгадке византийского «культурного кода» и тесно связанных с ним нормативов социального поведения и гендерных представлений. Мы попытаемся понять, как в византийском обществе относились к людям, не контролирующим свои реакции в состоянии глубокого эмоционального потрясения, а также к такому экспрессивному способу выражения человеческих эмоций, как слезы.

Описания таких интенсивных негативных эмоций, как страх смерти и потери близких людей в византийской агиографии, могут пролить свет на то, как авторы осмысливали такие проявления скорби, на чем акцентировали свое внимание, а также послужить своего рода индикатором ряда эмоциональных особенностей самих византийцев. В рассматриваемых житиях святых содержатся многочисленные описания громких стенаний, причитаний и прочих проявлений горя после смерти близких людей. Такое поведение людей можно считать проявлением традиционной ритуальной скорби, которая сопровождала похоронные обряды византийцев.

При описании горя святых людей от потери близких авторы житий иногда делают особый упор на описании интериоризированных эмоций, внутренних переживаний главных героев, а не на внешних проявлениях горя. По всей видимости, чрезмерное выставление на показ своего горя в византийском обществе считалось неприемлемым, неприличным. Поведение святых людей, описанное в житии, должно было послужить примером, своего рода назиданием для читателей. При описании сдержанности в эмоциях святой женщины в подобной ситуации особый акцент делался на «мужественности», поскольку она оказалась способной совладать со своими эмоциями.

Примечательно, что некоторые святые демонстрировали очень эмоциональную реакцию на сообщение о смерти своих близких и друзей или же на собственную тяжелую болезнь, то есть в некоторых ситуациях все же проявляли вполне человеческие слабости. Это обстоятельство не противоречит дидактической направленности житий. «Очеловеченный» облик святого мог вселить в читателя надежду собственного исправления и вечной жизни на небесах.

В житиях святых описываются и поступки, совершенные в состоянии сильного душевного волнения, например, в порыве гнева или ревности. Авто-

ры житий обычно осуждают чрезмерную аффектацию при выражении таких эмоций, которая, может свидетельствовать о том, что человек потерял надежду или разум. Такое поведение было опасным не только для общества, но и для души человека, поскольку отчаяние в соответствии с христианско-моральными нормами считалось грехом.

Особая эмоциональная насыщенность в византийских житиях святых (VIII–XII вв.) присуща описаниям душевных и физических страданий больных, обращавшихся к святым за помощью. Мужчины наряду с женщинами часто не контролируют свои эмоции, оказываются не в силах терпеть боль.

Слезы в житиях святых рассматриваются не только как проявление горя, это могли быть и слезы искренней радости. С другой стороны, слезы являлись важной частью духовной практики святых людей, важным проявлением искреннего раскаяния в грехах. При этом «слезный дар» зачастую гиперболизировался, поскольку большое значение придавалось физическому количеству пролитых слез. Горькие слезы раскаяния проливали и больные люди, искавшие исцеления у мощей святых.

В рассматриваемых нами житиях святых содержатся описания эмоциональных переживаний разного толка. Это могли быть как религиозные переживания, определявшие становление и жизненный путь святого, так и переживания главных героев житий и обычных византийцев в связи с жизненными невзгодами, несчастьями, болезнями или же чудесным избавлением от этих проблем.

О.В. Ошарина

*Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)*

О двух группах ахмимских шелков из коллекции Эрмитажа

О производстве шелка с христианскими сюжетами в Египте с IV по IX вв. известно благодаря письменным свидетельствам, сохранившимся образцам тканей и воспроизведениям на памятниках изобразительного искусства. Из шелка изготавливали парадные одежды и дорогие аксессуары, он являлся важным показателем социального статуса, и его часто хранили в качестве сокровищ в королевских дворцах и монастырских ризницах. Образцы шелковых тканей, происходящих из Египта, представлены в крупнейших музеях мира. Важное место среди известных шелков раннего времени занимают фрагменты из собрания фонда Абегг в Риггисберге со сценами «Детство Марии» (Maguire, pl. 1b) и настоящие шедевры шелкового ткачества – медальоны с изображением Благовещения и Рождества из музеев Ватикана (Thomas, p. 148, fig. 66; p. 152.), которым, естественно, подражали, изготавливая более скромные изделия из льна и шерсти. Особый интерес представляют равеннские моза-

ики с изображением императора Юстиниана и его жены императрицы Феодоры, так как эти композиции прямо или опосредованно оказали влияние на стиль и иконографию позднеегипетских шелков.

Свое название шелка из Ахмима получили в конце XIX в. по месту их находки. В кратком археологическом отчете Р. Форрера за 1891 г., проводившего раскопки в этом бывшем греческом полисе, демонстрируются рисунки всадников-триумфаторов с надписями «Иосиф» и «Захария», которые соответственно дали названия двум группам шелков (Forrer, Taf. XVI, no 14, 16.).

В мастерских Ахмима изготавливали как ткани с орнаментальными, так и фигуративными изображениями, такими как всадники, амазонки, сборщики урожая. Наиболее полное исследование ахмимского шелка нашло свое отражение в совместной публикации ряда специалистов, занимающихся различными аспектами изучения позднеегипетского текстиля (Moog, Schrenk, Lammens, 92). Основным предметом обсуждения стал вопрос об их локализации: изготавливались шелка на месте или были привозными. Авторы статьи приводят список вещей, имеющих точное происхождение, по иконографии, стилю и технике изготовления, выявляя ткани, относящиеся к этому кругу памятников. Детальные радиоуглеродные исследования проводятся впервые на большой группе шелков из Ахмима, уточняется их датировка, что позволяет прийти к выводу об одновременном изготовлении шелков с орнаментальными и фигуративными мотивами (Fluck, p. 217.). Такие мастерские существовали в широкий хронологический период с IV по IX вв. и использовались как христианами, так и людьми, исповедующими ислам, о чем, в частности, свидетельствуют надписи на арабском языке, сохранившиеся на фрагментах шелковых тканей из музея Метрополитен (Thomas, p.158).

Анализ эрмитажной коллекции позволяет существенно расширить источниковедческую базу художественного текстиля IV по IX вв.

Библиография

Fluck C. Akhmim as a Source of Textiles / Christianity and Monasticism in Upper Egypt, I Akhmim and Sohag / Eds. G. Gabra, H. N. Takla. Cairo; N. Y., 2008. P. 211-223.

Forrer R. Die frühchristlichen Alterthümer aus dem Gräberfelde von Akhmim-Panopolis. Strassburg, 1893.

Maguire H. Magic and Christian Image / Byzantine Magic / Ed. H. Maguire. Wash., 1995.

Moog A. de, Schrenk S., Lammens Ch. New Research on the so-called Akhmim Silks // Riggisberger Berichte. 2006. T. 13. P. 85-94.

Thomas T. K. Silks / Byzantium and Islam. Age of Transition 7th-9th Century / Ed. H.C. Evans, B. Ratliff. N. Y., 2012. P. 148-159.

Н. Г. Пашкин

*Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)*

**Византия и кризис в Османском государстве 1402–1413 гг. в свете
европейской политики**

После битвы при Анкаре 1402 г. Османская держава пребывала в кризисе, связанном с борьбой наследников султана Баязида I (1389–1402) за власть. С первым из них – Сулейманом Челеби (1403–1411) у Византии сохранялись мирные отношения. Но в 1409 г. борьба за султанский престол в династии Османов обострилась и вскоре положила конец затянувшемуся периоду междоусобицы. Этот эпизод не оставил Византию в стороне. Между тем динамика конфликта, как и роль Константинополя в нем, могли быть производными от событий европейской политики того же времени – таких как война Венгрии с Венецией 1411–1413 гг. и столкновение Польши с Тевтонским Орденом 1410 г.

Венгерско-венецианский конфликт зародился в 1409 г. Венеция, пользуясь тем, что неаполитанский король Владислав Анжуйский (1386–1414) выступал как номинальный претендент на венгерскую корону, выкупила у него принадлежавшие формально этой короне права на города Далмации. Эту сделку, как и ожидалось, не признал реально правивший тогда в Венгрии Сигизмунд Люксембург (1387–1437). Для Венгрии Далмация была единственным выходом к морю. С этого началась дипломатическая подготовка сторон к войне, разразившейся в 1411 г. Масштаб противостояния увеличил факт избрания Сигизмунда германо-римским королем в 1410 г. Дополнительную роль в его усугублении сыграло то, что одновременно с ним активизировался еще один вялотекущий конфликт в Европе – между Тевтонским Орденом и Польшей, приведший в том же году к Грюнвальдской битве. В этом конфликте Венгрия занимала сторону потерпевшего поражение Ордена против Польши как своего традиционного соперника. Королю Сигизмунду теперь могла реально угрожать война на два фронта.

Польский король Владислав II угрожал Сигизмунду не только союзом с Венецией, но и союзом со своими номинальными вассалами – Молдавией и Валахией. А Венеция испытывала опасения, что Тевтонский Орден будет спонсировать военную политику Сигизмунда. Сигизмунд, в свою очередь, в статусе уже германского короля стремился использовать против обоих противников потенциал Священной Римской империи. В качестве еще одного вероятного союзника им рассматривалась Византия. В 1411 г. Сигизмунд отправил письмо византийскому императору Мануилу II (1391–1425). Прямое столкновение с Венецией в тот момент еще не началось, поэтому речь пока могла идти только о зондировании почвы на случай возможного союза.

Хорошим поводом такого зондажа, очевидно, стала тема церковной унии, к обсуждению которой приглашался Константинополь. Но уже в следующем году Сигизмунд открыто убеждал византийского правителя вступить с ним в коалицию против Венеции и предлагал план совместных действий (Пашкин, с. 30).

Династическая распря в Османском государстве обострилась одновременно с началом конфликта Венгрии с Республикой Св. Марка. В 1409 г. против султана Сулеймана выступил его брат Муса Челеби-младший. Едва ли случайно и то, что новый претендент на турецкий престол создал базу для своего выступления в Румелии, т.е. на европейском континенте, прибыв сюда из Анатолии по морю. Сделать это он мог почти исключительно с помощью венецианцев, а первоначальный плацдарм ему обеспечил валашский воевода Мирча I, являвшийся вассалом польской короны. Таким образом, в потенциальном союзе Венеции, Польши и связанных с нею Дунайских княжеств намечалось и турецкое звено. В 1411 г. Муса разгромил Сулеймана, а затем напал на Константинополь. Этот факт вполне согласуется с тем, что Византию король Сигизмунд стремился как раз в тот момент привлечь к себе. Венеция же, наоборот, пришла с новым султаном к взаимопониманию (Jorga, p. 194). Тем, что она фактически являлась его скрытым союзником и можно объяснить, что в первом письме к византийскому императору Сигизмунд помимо церковной унии обещал в ближайшей перспективе поход на турок, а во втором послании, где Византии предлагалось выступить против Венеции, автор прямо обвинял последнюю в сговоре с ними.

Большим дипломатическим успехом в этих обстоятельствах для Сигизмунда стал договор с Польшей, заключенный в марте 1412 г. В нем король дал гарантии не поддерживать Орден военными средствами, а взять на себя роль посредника в деле урегулирования польско-тевтонского конфликта. Но тем самым он не просто не допустил опасного союза Польши с Венецией. Договор давал ему возможность завязать контакты с мусульманскими правителями Востока – золотоордынскими ханами и малоазийскими беями. В политике Сигизмунда они рассматривались как своего рода второй фронт против Венеции. Очевидно, еще одним результатом было и вмешательство во внутриосманский кризис, в котором ставка могла быть сделана на следующего наследника Баязида – Мехмеда, которому в 1413 г. удалось победить Мусу. Косвенно это подтверждается тем, что Мехмед, в отличие от Мусы, выступил из Анатолии и был первоначально поддержан бейликами, с которыми Сигизмунд, по имеющимся источникам, именно с 1412 г. стремился установить отношения, нацеленные против Венеции (Гулевич, с. 202; Baum, s. 24). Победа Мехмеда над Мусой закономерно привела к тому, что с новым султаном уже Венеция на несколько лет втянулась в войну. Для Византии же наступил период мира с турками, но в союз с Сигизмундом она так и не вступила, предлагая взамен

посредничество. Новый расклад сил, сложившийся между Сигизмундом и Венецией в 1413 г. и совпавший по времени со стабилизацией в Османской державе имел своим следствием заключение пятилетнего перемирия между Республикой и венгерским королем.

Библиография

Гулевич В.П., Хаутала Р. Малоизвестный источник о посольстве Сигизмунда Люксембургского в Каффу // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 1. С. 199–211.

Пашкин Н.Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. Екатеринбург, 2007.

Jorga N. Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades au XV siècle. Р., 1899. Т. 1.

Baum W. Europapolitik im Vorfeld der Frühen Neuzeit: König und Kaiser Sigismund vom Hause Luxemburg, Ungarn, Byzanz und der Orient // Europa in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von E. Donnert. Bd. 1: Vormoderne. Weimar, 1997. S.13–41.

А. И. Романчук

*Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)*

Послания к другу и коллеге: из переписки М. Я. Сюзюмова и Г. А. Острогорского

В середине – третьей четверти XX столетия в так называемых провинциальных университетских центрах, в одном из которых М. Я. Сюзюмову удалось создать общепризнанную научным сообществом школу византистики, возможности получения научной информации принципиально отличались от ситуации в «столичных центрах». В тех условиях большое значение приобретали дружеские контакты с коллегами-учеными. Такие контакты в частности связывали М. Я. Сюзюмова (1893–1982) и югославского историка Г. А. Острогорского (1902–1976).

Обращение к эпистолярному наследию Учителя, предпринятое М. А. Поляковской, позволило дать представление об отношении М. Я. Сюзюмова к своим аспирантам, характере его контактов с коллегами-византинистами и авторами исторической романистики. Но его корреспонденция отражает также условия работы ученого в провинциальном вузе и жизнь кафедры Всеобщей истории Уральского университета, которой заведовал М. Я. Сюзюмов.

Пять писем М. Я. Сюзюмова к Г. А. Острогорскому из архива Академии науки и уметности Сербии содержат детали, позволяющие проникнуть и в «мир византийцев», который являлся объектом исследований Учителя, и в «мир византинистов», по образному выражению М. А. Поляковской. К со-

жалению, в Государственном архиве Свердловской области эпистолярное наследие М. Я. Сюзюмова представлено не в полном объеме, что отмечала еще М. А. Поляковская. Так, в этой архивной коллекции отсутствуют письма к югославскому историку. В Фонде же Г. Острогорского сохранились письма уральского ученого за 1956–1961 гг. (некоторые из них машинописные).

Письма 1956 г. – свидетельство того, что общение между ними началось задолго до этого, еще в те годы, когда имя Г. Острогорского упоминалось в числе других реакционных, буржуазных историков, «оплота деспотизма, церковности, агрессивных тенденций в отношении других народов» (Против буржуазного космополитизма, С. 5). Отношение в СССР к Г. Острогорскому изменилось лишь в середине 1950-х гг., что нашло отражение в информации о X Международном конгрессе византинистов (Стамбул, 1955 г.). Автор заметки отмечала, что доклад Г. А. Острогорского является ценным вкладом в разработку истории поздней Византии (Удальцова, С. 237).

Вполне вероятно, что к 1965 г. переписка М. Я. Сюзюмова и Г. Острогорского стала менее интенсивной, о чем косвенно свидетельствует передаваемые Г. Острогорским приветы через коллег.

Послания М. Я. Сюзюмова прежде всего отражают его увлеченность дискуссиями с коллегами. Так, в 1956 г. он писал, что «во многом расхожусь со своими коллегами, в особенности с А. П. Кажданом и Б. Т. Горяновым – моими хорошими друзьями, и особенно с Е. Э. Липшиц в отношении толкования “Земледельческого закона”, делаю попытку сблизить его в отношении целей и характера с цехом». Касаясь предстоящей защиты диссертации Б. Т. Горянова М. Я. Сюзюмов сообщил (1958), что будет защищать «тезис о пронии как условной собственности», что сближало его взгляды с идеями Г. Острогорского. М. Я. Сюзюмов высоко оценил диссертацию А. П. Каждана, отметив, что «не согласен с трактовкой общинной собственности; смешения понятий суверенитета и государственной собственности (Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв.)». Одновременно Учитель сетовал, что «немного силы не равны – у него под руками вся литература – и наша, и зарубежная, а у меня в Свердловске (город сверх индустриальный), – кроме личной библиотеки ничего по Византии не имею».

Эти слова объясняют вторую тему содержания посланий – благодарность за новые публикации (и его адресата, и других авторов), особенно необходимые в связи с подготовкой издания «Книги Эпарха» и перевода «Истории» Дьва Диакона. Высокую оценку дал М. Я. Сюзюмов монографии Г. Острогорского по истории Византии: «До сего времени мы были в феодальной зависимости от Вашего замечательного учебника».

В письмах содержатся некоторые детали относительно текущих научных (о докладе на конгрессе 1961 г. в Охриде, о структуре трехтомной «Истории Византии») и кафедральных дел. Объясняя занятость университетскими де-

лами, М. Я. Сюзюмов писал: «Моя кафедра очень велика – Новая, Новейшая, Средняя и Древняя истории – почти все внимание приходится отдавать Новейшему времени, проблемам современности».

Безусловно, представить все обсуждаемые исследователями научные проблемы невозможно. Особый интерес вызывает обсуждение вопроса о континуитете, особенностях развития византийского города в период «темных веков», поскольку к изложению этих проблем М. Я. Сюзюмовым многие из российских коллег относились критически, но они созвучны идеям, прозвучавшим в работах Г. Острогорского. Однако для времени, когда была опубликована фундированная статья М. Я. Сюзюмова, посвященная византийскому городу, свидетельства о его переписке с югославским коллегой отсутствуют.

Библиография

Против буржуазного космополитизма в советском византиноведении // ВВ. 1949. Т. 2. С. 3-10.

Удальцова З. В. X Международный конгресс византинистов в Истамбуле // ВВ. 1956. Т. 10. С. 236-251.

В. П. Степаненко

*Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)*

Еще раз о мангупской надписи ТЦИТ...

В 1890 г. Ф. А. Браун обнаружил в кладке башни крепостной стены Мангупа в районе балки Табана-дере мраморную плиту с греческой надписью. Плита долгое время хранилась в фондах музея «пещерных городов» в Бахчисарае, затем после его расформирования – в фондах Бахчисарайского дворца-музея и недавно «всплыла» в Симферополе на временной выставке, посвященной истории Мангупа, в Центральном музее истории Тавриды. Надпись же была издана по прорисовке и интерпретирована В. В. Латышевым и переиздана Н. В. Малицким. Судя по указанию на то, что она была извлечена из башни, реставрированной турками, то и может быть достаточно уверенно связана с башней в верховьях балки Табана-дере, стоящей и поныне. Правая половина башни была уничтожена турками при взятии Мангупа в 1475 г. и позже восстановлена с использованием архитектурных деталей расположенной рядом базилики, включая и резные блоки одного из порталов, все еще находящиеся в кладке. О том, что это портал именно базилики, свидетельствуют два фрагмента другого портала, находившиеся *in situ* на входе в базилику из южной галереи еще в 1975 г. и позже переданные в лапидарий Бахчисарайского дворца-музея.

В интерпретации В. В. Латышева надпись гласит: «По(строена эта башня от основания трудом и иждивением) Тцит(цикия гека)тонтарха в правле-

ние Тохтам(ыша)». Чем была аргументирована эта реконструкция? Логика рассуждений здесь такова: построенное здание не могло быть церковью, как предполагал Ф.А. Браун, так как в надписи не указано, кому из святых она посвящена. А раз найдена она, хотя и во вторичном использовании, в кладке башни, то и ранее могла быть связана именно с башней. Как следствие, указание на пиргос (башню) – сугубая догадка В. В. Латышева и надпись не может быть использована для датировки строительства главной линии обороны Мангупа дофеодоритским временем. В то же время, если надпись относится к базилике, что вполне вероятно, то она датирует время капитальной перестройки ранневизантийского сооружения как раз в конце XIV в. (Тохтамыш правил с 1380 по 1406 гг.).

Хотя текст ее неоднократно издавался, видели ее в последний раз лет пятьдесят назад. Ныне очевидно, что высечена она на плите проконнесского мрамора, по-видимому, являвшейся пороком все той же мангупской базилики. По крайней мере, обработка плиты делает данное предположение вполне вероятным. Таким образом, мраморные фрагменты раннего сооружения, в том числе найденные М. А. Тихановой и ныне хранящиеся в Бахчисарае, находились при базилике еще в XV в. На наш взгляд, надпись может датировать очередную перестройку базилики в конце XIV в., возможно, незавершенную в связи с событиями 1495/6 г. Недавно к надписи вновь обратился А. Ю. Виноградов. Ссылаясь на нашу статью (Степаненко, 2008), он пишет: «Вторичное использование плиты не дает нам возможности установить, что именно было построено (гипотеза В.В. Латышева о башне не подтверждается, а предположение В. П. Степаненко о наличии здесь базилики ничем не обосновано) (Виноградов, 2018, с. 288). Остается предположить, что коллега либо не читал статьи, либо не знаком с топографией Мангупа. Базилика расположена в менее сотни метров от башни, а блоки ее порталов все еще находятся в ее кладке...

Библиография

Виноградов А. Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2018. Вып. 22. С. 278-298.

Степаненко В. П. К интерпретации мангупской надписи гекатонтарха (?) Тцитц.. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 485-490.

Е. В. Степанова

*Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)*

Благотворительные учреждения Константинополя*

Благотворительность в Византии считалась одной из добродетелей и важнейшей обязанностью христианина. Источники сохранили значительное количество сведений о многочисленных благотворительных учреждениях столицы империи. Некоторые из них были учреждены императорами, другие – частными лицами, многие были созданы при церкви. Среди них выделяли ксеноны, ксенодохии, герокомии, птохотрофии, орфанотрофии и др. Доклад посвящен сохранившимся до наших дней печатям этих благотворительных учреждений, главным образом, ксенона Святого Самсона, одного из самых известных лечебных заведений Византии, и лепрозория Св. Зотика.

Больница Св. Самсона располагалась рядом с храмом Св. Софии и функционировала начиная со времени правления императора Юстиниана (а, возможно, еще и раньше) почти вплоть до конца существования империи. Ее основание связано с именем Св. Самсона, покровителя врачей. Сохранилось значительное количество сфрагистических памятников ксенона Св Самсона (как печатей, так и тессер), датированных VII–X вв.

Лепрозорий Св. Зотика, по всей видимости, был основан орфанотрофом Зотиком при императоре Констанции II (337–361). Это учреждение находилось в районе ниже Галаты и существовало еще в 1200 г., как о том повествует Антоний, архиепископ Новгородский (ум. 1232 г.), в своей «Книге Паломник». В то время существовали церковь, где находилась гробница Св. Зотика, и больница. Известные печати «братьев» Св. Зотика XII в., вероятно, принадлежали медикам (возможно, монахам), которые ухаживали за больными.

Н. И. Храпунов

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь)*

В поисках раннехристианских реликвий: сакрализация Таврики после 1783 г.**

До 1783 г. не существовало представлений об особой роли Крыма в русском православии и о святости находившихся на его территории древних памятников, церквей и монастырей. Эти идеи возникли только в российскую эпоху и были связаны с переосмыслением памятников византийской лите-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-01-00228.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053.

ратуры и материальных объектов культурного наследия. Важную роль для реконструкции этого процесса играют записки путешественников.

Идеологическая программа Екатерины II апеллировала к византийскому наследию, тем самым обосновывая право России как наследницы греков на южные земли. Императрица полагала, что место крещения Руси – Херсонес (Херсон, Корсунь) находился в низовьях Днепра, и потому передала его имя основанному там городу. Г. А. Потемкин интерпретировал покорение Крыма как восстановление контроля над регионом, откуда на Русь пришло христианство. Отсюда использование символов крещения Руси в гербе Таврической области, принятый Екатериной II титул «царицы Херсонеса Таврического» и соответствующая легенда особой серии монет. Но российские власти не препятствовали использованию камней Херсонеса для строительства Севастополя, а пещерных сооружений инкерманских монастырей – как пороховых складов или загонов для татарских овец.

На сакрализацию ландшафтов повлияло начавшееся научное изучение Крыма. Инициированные Потемкиным поиски Херсонеса завершились, когда подполковник Бальдани и К. И. Габлиц локализовали город на юго-западной оконечности полуострова. П.-С. Паллас понял, что расположенные за крепостными стенами развалины были не городским посадом, как считал его друг Габлиц, а остатками сельских усадеб херсонеситов. Габлиц и П. И. Сумароков зафиксировали возникшие в местной среде предания, связавшие церковь, где крестился Владимир, с определенным местом на Херсонесском городище, а Ж. Ромм отождествил ее с комплексом крестообразного храма на городском некрополе. Ромм, Паллас и С. Сестренцевич-Богуш выдвинули предположение о связи крымских «пещерных монастырей» с важнейшими русскими обителями – Святогорской и Киево-Печерской. Француз решил, что технологию создания искусственных пещер спутники Владимира позаимствовали в Крыму.

Параллельно возник феномен сакрализации отдельных памятников силами рядовых клириков или секулярного населения, оказавшегося в чужой стране и искавшего опору в православии. Выселение крымских христиан в Приазовье в 1778 г. привело к разрыву христианской традиции, запустению церквей и монастырей. Переселявшиеся на полуостров после его присоединения к России христиане оказывались в незнакомой стране, церковную историю которой только предстояло открыть.

В Феодосии сложилась легенда, интерпретировавшая крупнейший мусульманский храм города – Султан-Селим-джами (начало XVI в.) – как перестроенную в мечеть византийскую церковь, где крестился князь Владимир. Жители Керчи переосмыслили византийскую церковь Иоанна Предтечи (рубеж IX–X вв.). Используя известия «Жития апостола Андрея» и «Степенной книги», образованные представители клира (?) создали легенду о строитель-

стве церкви Иоанном Крестителем или апостолом Андреем, а постамент античной статуи, взятый, вероятно, с городища Пантикапей, превратился в чудотворные отпечатки ног апостола.

Выдвинутый церковными властями проект «Крымского Афона» (1850) начал новый этап сакрализации ландшафтов Тавриды и привел к виртуальному «удревнению» ряда крымских монастырей. Так, Инкерманскую обитель связали с памятью апостола Андрея, св. Климента и папы Мартина, освятив соответствующие церкви, хотя эти деятели никакого отношения к Инкерману не имели.

Впоследствии появились Козьмо-Дамиановский (1857, близ Алушты) и Троицко-Параскевиевский (1864, близ Белогорска) монастыри, в результате чего на крымскую землю «перенесли» деяния римских святых, дополнив их жития соответствующими эпизодами. В конце XIX в. была сфабрикована история о тысячелетней древности Георгиевского монастыря близ Балаклавы. По иронии судьбы популярности этого места способствовала легенда о находившемся неподалеку языческом храме Таврической Дианы, которую сами монахи использовали для привлечения путешественников.

Таким образом, использующиеся в современных государственных идеологиях и существующие в общественном сознании представления об особой роли Крыма в истории восточного православия и о связи местной церкви с римскими и византийскими святыми возникли только в конце XVIII – XIX вв. Это был длительный процесс, которому способствовал ряд факторов: усилия государственных идеологов, действия церковных иерархов и местных клириков, искания переселявшихся в Крым крестьян, солдат и моряков, а также начавшееся научное изучение полуострова. Одновременно возникла виртуальная ранневизантийская история ряда крымских монастырей.

Широко используемые ныне визуальные отсылки к византийскому прошлому Крыма в официальной государственной идеологии находят параллели на Балканском полуострове. Так, византийское наследие стало важнейшим фактором национальной идентичности (Северной) Македонии. Если херсонесская Базилика 1935 г. фигурировала на двух вариантах украинской 1-гривневой банкноты (1996–2004 гг.), а в 2017 г. появилась на российской 200-рублевой купюре, то в Македонии византийские памятники изображены на разных монетах и купюрах.

Д. А. Черноглазов

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)

«Сорок типов писем»: *prolegomena* к критическому изданию*

Анонимный трактат «Сорок типов писем» (*Characteres epistolici* XL, далее сокр. Ch40), созданный в конце XII – начала XIV в., широко использовался вплоть до начала XIX в. Ch40 многократно копировался, в XVII – XVIII вв. составлялись его метафразы, переложения и новогреческие переводы. Вместе с тем, трактат в науке совершенно не исследовался, его единственное издание 1804 г. основано на неполной рукописи, а метафразы и переводы (за исключением одного) вообще не опубликованы. Автором настоящего доклада готовится критическое издание Ch40 и его позднейших версий. В рамках доклада делается попытка охарактеризовать трактат с точки зрения его содержания, рукописной традиции и функций.

Ch40 содержит 40 образцовых писем, относящихся к 40 типам, по одному образцу на каждый тип. Типы выделяются в соответствии с целью и содержанием письма, напр., «наставительное», «рекомендательное», «утешительное» и др. Почти все названия типов (за исключением «совещательного») восходят к позднеантичному трактату «Стили писем» Псевдо-Либания / Псевдо-Прокла (V в.). Ch40 – один из целого ряда письмовников, принадлежащих к этой традиции.

На данный момент нам известна 21 рукопись XIV – XIX вв., где Ch40 содержится полностью или частично. В некоторых рукописях (видимо, наиболее близких к архетипу) содержатся лишь названия типов и образцы, в то время как в других текст расширяется за счет теоретического введения (оно заимствуется, напр., из энциклопедии Иосифа Ракендита или из трактата Псевдо-Либания), определений типов или дополнительных кратких образцов.

В большинстве рукописей текст Ch40 сопровождается схолиями, содержащими терминологию трактата «О нахождении» (Псевдо-)Гермогена Тарсийского – «настойной книги» византийского школьника. Схолии показывают, какие приемы риторической аргументации можно выделить в образцовых письмах. На этом основании можно предположить, что Ch40 использовался, в частности, как школьный учебник по риторике, сборник эпистолярных «прогимнасм». Эта гипотеза подкрепляется тем, что в рукописях Ch40 нередко присоединяется к «Риторическому синопсису» Псевдо-Плифона, тоже школьному учебнику, кратко излагавшему *Corpus hermogeanum*.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00207.

Вместе с тем, Ch40 был востребован, видимо, не только как сборник упражнений по теории аргументации, но и как практическое пособие по эпистолярному искусству. Образцы Ch40 отнюдь не оторваны от реалий византийского письма XII – XV вв. В них систематически встречаются формулы и клише, характерные для византийского эпистолярного этикета; строго выдерживается система обращений, актуальная для средне- и поздневизантийской эпохи; умеренно риторический стиль образцов вполне соответствует среднему уровню византийской эпистолярной практики.

В. Н. Чхаидзе

*Институт археологии РАН
(Москва)*

Византийские кресты-энколпионы и тельники на Северном Кавказе и их аланские дериваты

Крест – главный символ христианской религии, уже многие столетия почитается в качестве святыни людьми, считающими себя частью «христианского» мира. В работе рассмотрены археологические находки крестов, относимых к предметам личного благочестия, бытовавших на территории исторической Алании в первые века после официального принятия христианства в 20-х гг. X в.

Кресты можно разделить на несколько групп: энколпионы древнерусского, «сирийского» и византийского провинциального происхождения (к последним также относятся простые кресты); местные аланские подражания-энколпионы и подражания-тельники – кресты, встречающиеся исключительно на Северном Кавказе.

Вплоть до 2008–2011 гг. количество крестов, найденных на территории исторической Алании не превышало 50 экземпляров, пока большая группа различных крестов X–XII вв. не была обнаружена на Калежском городище близ с. Каменноостское (Кабардино-Балкария).

Древнерусские энколпионы представлены значительной коллекцией, состоящей из 21 экземпляра. Их общая датировка – XI–XIII вв.

Энколпионы «сирийского типа», которые датируются в пределах X–XII вв., всего девять экземпляров.

К встречающимся исключительно на Северном Кавказе можно отнести четыре различных композиционных типа крестов-тельников:

Первый тип представлен тремя экземплярами. Кресты литые, бронзовые, односторонние, плоские. На внешней стороне – грубое изображение Распятия. Туловище Христа непропорционально укорочено. Голова изображена условно, фронтально. Над головой – фигура ∞, условно изображающая солнце и луну. Кисти рук непропорционально крупные, без гвоздей. Ноги повернуты

ступнями влево. На боковых и нижней лопастях креста рельефным рубчатым орнаментом показаны перекладыны Голгофского Креста.

Кресты второго типа: с рельефным грубым изображением Распятия. Христос, тулово которого непропорционально укорочено, над его головой – фигура ∞ . Ноги Христа обозначены от средокрестия, прямые, ступни повернуты вправо.

Можно полагать, что кресты этих типов могли изготавливаться в Алании по ранее завезенным образцам. Их датировка предложена в пределах второй половины X–XI вв.

Третий тип крестов-тельников иного иконографического типа – с концами в виде полукружий–лепестков, слегка сужающихся к средокрестию. Изображение Христа упрощенное, занимающее всю плоскость креста. Эти кресты имели хождение до рубежа XI–XII вв. Их аналогии, вероятно, происходят из малоазийских провинций Византии.

Четвертый тип крестов – с рельефным выпуклым и углубленным линейно-контурным изображением Распятия. Тело и руки Христа прямые, голова округлая, с обозначением лица, ступни ног разведены в стороны, над головой крест. Дата крестов – X–XI вв.

Целый ряд разнотипных крестов явно изготовлен местными мастерами в Алании по византийским образцам. Это две половинки энколпиона. На лицевой стороне изображена Богоматерь (?), по четырем концам – погрудные фигуры анфас в медальонах. На обороте – Распятие, по концам – в медальонах фигуры в анфас. Изображения грубые, почти плоские.

Еще один нательный крест, который возможно связать с ранним этапом христианизации Алании. Крест равноконечный, с закругленными концами. Дата – X–XI вв.

На мелких крестах-тельниках изображено Распятие и грубый крест над головой Христа. Подобные кресты были предметом массового производства, осуществлявшегося, в том числе и аланскими мастерами в конце X–XII вв.

Еще два литых односторонних креста явно принадлежат местному мастеру-изготовителю. Первый – равноконечный, с прямоугольными ветвями. Дата – XII вв. Второй крест с равноконечными концами «кринообразной» формы, имеющими украшение в виде «жемчужины». Внутри креста прочерчен еще один крест. Дата – до XIII вв.

Фрагментированный крест с широкими короткими ветвями (нижняя лопасть не сохранилась). По центру – рельефное изображение неизвестного святого (св. Георгий или св. Дмитрий Солунский (?)) на лошади, едущего вправо. Перед собой, в правой руке, святой держит крест на длинном древке, а левой – поводья. Дата – не ранее XI в. Можно полагать, что этот крест имел распространение среди представителей военно-служилого сословия Алании.

Особенностью местных аланских крестов является размещение на концах двух медальонов с ликами святых и распятием или Богородицей в центре. Прототип этих крестов византийский. Внешняя форма этих крестов, при соотношении их с византийскими и древнерусскими аналогиями, позволяют относить их к XI–XII вв., а, возможно, до первой трети XIII в.

Известны впервые встреченные на Северном Кавказе три круглые литые крестовключенные подвески. В центре подвески имеют равноконечный, со слегка расширяющимися концами, крест. Концы лопастей украшены декоративными треугольниками, сходящимися к центру и повторяющими контур лопасти. В центре креста – кружок или шишечка. Вероятно, распространение этих подвесок среди аланского населения связано с начальными этапами христианизации.

Можно констатировать, что находки крестов в Алании, как древнерусских, так и «сирийских», и византийских провинциальных, свидетельствуют о тесных этнокультурных, религиозных и торговых контактах населения Северного Кавказа с малоазийскими и ближневосточными провинциями Византии, Крымом и Русью. Нельзя не отметить, что под этим воздействием, в Алании, начали изготавливаться кресты не только по импортным образцам, но и кресты, пока что не встреченные за пределами Кавказа.

А. В. Шаманаев

*Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)*

**Музей древностей в Херсонесе: проект Императорской
Археологической Комиссии 1887–1903 гг.**

В 1887 г. Херсонесское городище было передано в ведение ИАК (Стоянов, с. 527–531). С этого времени руководство ИАК рассматривало возможность создания музея на месте раскопок как одно из направлений деятельности на памятнике. Обсуждения проекта будущего музея было сконцентрировано на рассмотрении трех основных вопросов: целесообразность, локализация, комплектация фондов.

Идея создания музея в Херсонесе имела как сторонников, так и противников. Так, И. И. Толстой считал, что удаленность памятника от города – серьезное препятствие для функционирования музея (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 29).

Перспектива открытия музея на городище требовала решения вопроса о месте размещении будущей экспозиции. Н. П. Кондаков обратился к старому проекту Одесского общества истории и древностей (ООИД), предусматривавшего реконструкцию одного из раскопанных средневековых храмов (Там же, л. 29). Эта предложение было поддержано руководством ИАК (Там же,

л. 35). Для временного хранения находок предполагалось построить «сарай, для склада в нем громоздких вещей» (Там же, л. 34об.). В 1888 г. в ИАК не исключала возможность разместить экспозицию в нижнем ярусе собора св. Владимира (Стоянов, с. 528).

Вопрос о комплектовании фондов музея также был не простым. К 1887 г. артефакты, найденные на городище, были рассредоточены по коллекциям Исторического музея, Императорского Эрмитажа, музея ООИД, хранились в монастыре св. Владимира в Херсонесе (Шаманаев, с. 134-145). Одно из главных препятствий объединения разрозненных коллекций в единое собрание состояло в отсутствие правовых оснований.

Н. П. Кондаков высказал опасения по поводу обеспечения сохранности артефактов, имевшихся в распоряжении монастыря и строителей собора (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 64об.). В 1888 г. архитектор В. В. Суслов был вынужден констатировать, что действия служителей монастыря св. Владимира не обеспечивают сохранности находок (Там же, л. 60об.). Н. П. Кондаков от имени ИАК запретил служителям монастыря каким-либо образом использовать мраморные архитектурные детали (Там же, л. 64об.-66).

Постепенно планы руководства ИАК существенно изменились. Так, часть наиболее ценных вещей из монастырской коллекции была отправлена в Санкт-Петербург уже в сентябре 1888 г. (Там же, л. 255-260). По поручению ИАК, в 1890 г. А. Л. Бертье-Делагард изучил возможности реконструкции одного из храмов. Исследователь скептически оценил перспективы этой идеи, указал на плохую сохранность объектов и обоснованно опасался, что возведение новых элементов конструкции приведет к уничтожению подлинных остатков сооружения (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1890 г., д. 26, л. 215-217). Постепенно идея реконструкции храма была забыта.

В 1892 г. ИАК открыла на городище «Склад местных древностей», в который не имел статуса и функций музея, а служил местом хранения артефактов. В 1903 г. Комиссия приняла решение о строительстве специального музейного здания в стиле модерн и выделении для этого 40 тыс. руб. Однако, из-за начала русско-японской войны и последовавших революционных событий музей так и не был построен (Стоянов, с. 536-540).

Стоит отметить, что эта дискуссия соответствовала общеевропейским тенденциям развития концепций реставрации архитектурно-археологических памятников. Взгляды Н. П. Кондакова, допускавшего возможность восстановления средневекового храма на Херсонесском городище, в значительной степени соответствовали идеям сторонников направления «stylistic restoration», допускавших возможность восстановления внешнего облика средневековых зданий в соответствии с общим стилем эпохи. А. Л. Бертье-Делагард отстаивал принципы консервационного подхода, требовавшего минимального втор-

жения в подлинные структуры и научного обоснования возобновляемых элементов (Jokilehto, p. 173-212).

Изучение документов 1887–1888 г., связанных с проектом организации музея и музеефикации остатков средневекового христианского храма, позволяет получить представление об особенностях развития музейного дела, музеефикации памятников археологии в России в конце XIX в.

Библиография

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1887 г. Д. 22.

Стоянов Р. В. Императорская Археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического / Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 525-530.

Шаманаев А. В. Коллекция древностей монастыря св. Владимира в Севастополе (вторая половина XIX – начало XX в. // Изв. Урал. федерального ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 134-145.

Jokilehto J. A history of Architectural Conservation. Oxford, 2002.

Р. М. Шукуров

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва)*

Варвары и византийское юридическое пространство

Доклад посвящен начальным этапам входа варваров в новую византийскую жизнь и имеет целью дать типологию различных моделей и способов адаптации варваров. Предполагается проанализировать сходства и различия в адаптации двух основных типов варваров: во-первых, это иностранные союзники и наемники, которые не принимали византийского подданства; во-вторых, те варвары, которые принимали византийское гражданство и, таким образом, становились римлянами. Иностранцы первого типа подлежали нормам *ius gentium*. Варвары, принявшие византийское подданство, включались в пространство *ius civile* и становились римскими гражданами со всеми вытекающими юридическими последствиями. В докладе будет подробно рассмотрена специфика отмеченных моделей адаптации варваров.



СОКРАЩЕНИЯ

АДСВ – Античная древность и средние века

ВВ – Византийский временник

ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ООИД – Одесское общество истории и древностей

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

ВСН – Bulletin de Correspondance Hellénique

JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik



СОДЕРЖАНИЕ

<i>Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.</i> Византийские владения в Юго-Западном Крыму в раннее Средневековье.....	3
<i>Алексеевко Н. А.</i> Моливдовул командира Великой этерии Евстафия из окрестностей византийского Херсона.....	6
<i>Барабанов Н. Д.</i> «Священная война»? К интерпретации послания патриарха Михаила IV Авториана.....	8
<i>Бибииков М. В.</i> Византийский суперлатив времени и пространства: образ и реалии.....	10
<i>Близнюк С. В.</i> Ремесло и ремесленники на Кипре в XIII-XV вв.	12
<i>Виноградов А. Ю.</i> Стилистика vs. политика: передатировка как дестабилизирующий фактор в истории византийско-кавказских культурных связей.....	14
<i>Возчиков Д. В.</i> Образы византийских императоров в хронике венецианского дожа Андреа Дандоло.....	16
<i>Гинькут Н. В., Лебединский В.В.</i> Амфоры типа Gunsenin II из кораблекрушения византийского корабля близ Балаклавы.....	18
<i>Грацианский М. В.</i> События 395 г. и формирование восточно-римской государственности	20
<i>Дружинина И. А.</i> От Константинополя до Ханбалыка: Северо-Восточное Причерноморье XIII–XIV вв. на перекрестке культур и вер (на примере одной археологической находки).....	22
<i>Жигалова Н. Э.</i> Лженаследник османов: роль Мустафы Челеби в политике византийских императоров	24
<i>Козлов А. С.</i> Характер военного присутствия империи в Далмации V в.	26
<i>Козлов С. А.</i> К вопросу о географической идентификации хоронима «Телиуца»: Любеч или Полоцк?	28
<i>Курышева М. А.</i> Рукопись Paris. gr. 1783 с портретами императоров династии Палеологов: палеографическая датировка	30
<i>Куц Т. В.</i> Несостоявшаяся осада Константинополя в 1438 г.	31
<i>Майко В. В.</i> Византийские амфоры Сугдеи X – первой половины XIII вв.	33
<i>Макаров Д. И.</i> Феодор Метохит о двух видах созерцания.....	35
<i>Медведев И. П.</i> Еще раз о танатологии Гемиста Плифона	37
<i>Науменко В. Е.</i> Укрепление Сиваг-Кермен в юго-западном Крыму. Новая византийская крепость легендарной «страны Дори» Прокопия Кесарийского (предварительное сообщение).....	38
<i>Охлупина И. С.</i> Слезы радости и слезы печали: мир эмоций в византийской агиографии (VIII–XII вв.).....	41

<i>ОШАРИНА О. В.</i> О двух группах ахмимских шелков из коллекции Эрмитажа.....	43
<i>ПАШКИН Н. Г.</i> Византия и кризис в Османском государстве 1402–1413 гг. в свете европейской политики	45
<i>РОМАНЧУК А. И.</i> Послания к другу и коллеге: из переписки М. Я. Сюзюмова и Г. А. Острогорского.....	47
<i>СТЕПАНЕНКО В. П.</i> Еще раз о Мангупской надписи ТЦИТ... ..	49
<i>СТЕПАНОВА Е. В.</i> Благотворительные учреждения Константинополя.....	51
<i>ХРАПУНОВ Н. И.</i> В поисках раннехристианских реликвий: сакрализация Таврики после 1783 г.	51
<i>ЧЕРНОГЛАЗОВ Д. А.</i> «Сорок типов писем»: <i>prolegomena</i> к критическому изданию	54
<i>ЧХАИДЗЕ В. Н.</i> Византийские кресты-энколпионы и тельники на Северном Кавказе и их аланские дериваты.....	55
<i>ШАМАНАЕВ А. В.</i> Музей древностей в Херсонесе: проект Императорской Археологической Комиссии 1887–1903 гг.	57
<i>ШУКУРОВ Р. М.</i> Варвары и византийское юридическое пространство.....	59
СОКРАЩЕНИЯ.....	60



Научное издание

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР: *реалии и интерпретации*

Тезисы докладов XIV научных
Сюзюмовских чтений,
Екатеринбург, 10–12 октября 2018 г.

Редактор и корректор *Т. В. Куш*

Оригинал-макет *И. С. Охлупиной*

Подписано в печать 24.09.2018. Формат 60 х 84 1/16.
Усл. печ. л. 3,2. Тираж 100 экз. Заказ № 280

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru